

ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫЙ ЖУРНАЛЪ.

№ 45—46-й. Воскресеніе, 19—26 Ноября 1906 г. Годъ изданія 2-й.

Принимается подписка на еженедельный журналъ «Саратовскій Духовный Вѣстникъ»: годовая плата съ пересылкою 6 руб., полугодовая—3 руб.. Для годовыхъ подписчиковъ допускается разсрочка: 2 руб. при подпискѣ, 2 руб.—къ 1-му апрѣля и 2 руб. къ 1-му іюля. Отдѣльные №№ продаются по 12 коп.

Журналъ издается по слѣдующей программѣ:

- 1) Религіозно-правственный отдѣлъ.
- 2) Патріотическій отдѣлъ.
- 3) Общій церковно-общественный отдѣлъ.
- 4) Мѣстный Саратовскій церковно-общественный отдѣлъ.
- 5) Библиографическій отдѣлъ.
- 6) а зныя извѣстія и замѣтки.
- 7) Официальный отдѣлъ.
- 8) Объявленія.

Подписка принимается:

- 1) въ конторѣ Редакціи (быв. д. Ростовцева, рядомъ съ Арх. дом.);
 - 2) у редактора, протоіерея І. П. Кречетовича (Мирный переулокъ, домъ № 8);
 - 3) въ книжномъ складѣ Саратовскаго Епарх. учил. Совѣта (Московская ул.).
- Здѣсь-же принимаются и объявленія по 15 коп. за строку (или мѣсто строки) въ одинъ столбецъ и по 30 коп. за строку (или мѣсто строки) въ ширину страницы; годовыя, полугодовыя объявленія и на срокъ по соглашенію.

СОДЕРЖАНІЕ.

I.

Наученіе молитвъ Господней. *Священника Василія Чапцова.*

III.

Есть-ли у мірянъ право на управленіе церковными имуществами?—*Священника Алексія Добросердова.*

Постъ-скрипту къ статьѣ «Есть-ли у мірянъ право на управленіе церковными имуществами»?—*Его-же.*

С.-Петербургскій епархіальный съездъ.

IV.

Торжество освященія церкви-школы въ д. Марьевкѣ-Хардиновкѣ, Петровскаго уѣзда. (Окончаніе). *Узнаго Наблюдателя, Священника Николая Богословскаго.*

VII.

Официальный отдѣлъ.

VIII.

Объявленія.

Редакторъ-Протоіерей І. Кречетовичъ.

I.

Наученіе молитвъ Господней.

Второе прошеніе.

(Продолженіе).

Вы знаете, дѣти, что теперь есть народъ—евреи. Теперь они живутъ въ разныхъ странахъ и не составляютъ отдѣльнаго царства. Но было время, когда они жили въ одной странѣ, въ той землѣ, гдѣ родился, жилъ и пострадалъ за насъ Господь нашъ І. Христосъ. Это было еще до рожденія Христа Спасителя на землѣ. Евреи имѣли у себя царя и вѣровали въ истиннаго Бога. Былъ у нихъ между прочимъ царь Саулъ. Онъ сначала слушался Бога, поступалъ по божьему и Богъ былъ съ нимъ и полагалъ ему въ дѣлахъ его. Но вотъ онъ пересталъ слушаться Бога. Богъ не велѣлъ ему выступать противъ враговъ раньше, чѣмъ принесутъ жертву (тогда службу Божию совершали такъ: закалывали въ жертву Богу овецъ, телятъ, быковъ и при этомъ молились; жертву совершали особенныя лица, какъ и теперь: вѣды, теперь службу Божию служатъ архіереи, священники и діаконы). Саулъ не послушался Бога: онъ, правда, принесъ жертву Богу передъ сраженіемъ, но принесъ самъ, а не дождался служителя Божія. Были и еще случаи, когда Саулъ не слушался Бога. За это Богъ отступилъ отъ Саула и его сталъ мучить злой духъ: на Саула находила тоска, онъ злобствовалъ даже на тѣхъ, которые желали ему добра; такъ, онъ не разъ пытался убить одного вѣрнаго своего слугу, Давида, хотя тотъ всячески старался успокоить царя своего игрою на гусляхъ (есть такая музыка). Вотъ видите, что бываетъ съ тѣмъ, кто грѣшитъ, не слушается Бога. Кто слишкомъ прогнѣваетъ Бога, въ того вселяется духъ злобы и въ душѣ его царитъ тоска, не любовь къ другимъ, ненависть.—За что Богъ прогнѣвался на Саула? Что случилось съ Сауломъ, когда Духъ Божій (Богъ) отступилъ отъ него? Что царю въ душѣ Саула послѣ того, какъ Духъ Божій отступилъ отъ него?

Теперь я скажу вамъ другой примѣръ, изъ котораго вы увидите, до чего доводитъ отступленіе отъ Бога, что бываетъ съ тѣмъ, кто не только отступаетъ отъ Бога, но даже возстаетъ на него.—У Господа І. Христа, когда онъ жилъ на землѣ, было 12 учениковъ (они назывались апостолами). Между ними былъ одинъ, по имени Іуда. Онъ поддавался страсти къ наживѣ, любилъ очень деньги и даже воровалъ ихъ изъ того ящика, который носилъ съ собою и въ который клали пожертвованія въ пользу І. Христа и учениковъ Его. Страсть къ наживѣ довела Іуду до того, что онъ выдалъ своего Учителя, Господа І. Христа, врагамъ Его за 30 сребренниковъ (немного больше 20 руб.). Тогда вошелъ въ Іу-

ду сатана, а когда враги І. Христа распяли Его, нашего Господа, Іуда пошелъ и удавился: такъ давила его тоска, мучила совѣсть и такой ужасъ и мракъ царили въ душѣ его!—Что же бываетъ съ тѣмъ, кто возстаетъ противъ самого Бога? Что случилось съ Іудой послѣ того, какъ онъ предалъ І. Христа за 30 сребренниковъ? А что царю въ душѣ его?

Теперь послушайте, что бываетъ съ тѣмъ, кто любить Бога, живетъ по-божьи и для Бога и въ кого вселяется Духъ Святой (Духъ Божій).

Я уже сказалъ вамъ, что у І. Христа во время Его земной жизни было 12 учениковъ. І. Христосъ зналъ, что одинъ изъ нихъ (Іуда) предастъ Его. И вотъ Онъ, Господь нашъ, не задолго до своихъ страданій, собралъ Своихъ учениковъ въ одну горницу и сказалъ имъ, что Ему придется скоро пострадать на крестѣ, Его убьютъ, и они ученики, останутся одни. Тогда скорбью исполнились сердца учениковъ. Но Онъ сказалъ имъ: не скорбите; Я пошлю вамъ Утѣшителя, Духа истины, Онъ научитъ васъ всему; васъ поведутъ въ суды и темницы, будутъ преслѣдовать васъ, но не бойтесь, Онъ будетъ съ вами, Онъ научитъ васъ, что говорить вамъ и утѣшитъ васъ въ скорбяхъ. Какъ сказалъ Господь І. Христосъ, такъ и случилось. Въ 50-й день послѣ воскресенія І. Христа, утромъ, ученики были въ одной горницѣ. Вдругъ слышался въ горницѣ шумъ какъ бы отъ сильнаго вѣтра и ученики увидѣли надъ собою языки какъ бы огненные: это Духъ Святой сошелъ на нихъ въ видѣ огненныхъ языковъ. Вотъ картина, изображающая сошествіе Св. Духа на апостоловъ (показывается картина и когда ученики достаточно всмотрятся въ нее, продолжается дальнейшій разсказъ). Послѣ того, какъ Духъ Св. сошелъ на св. апостоловъ, они стали говорить на разныхъ языкахъ (вы знаете, что люди говорятъ по разному: одни по русски, другіе по нѣмецки, иные по французски и т. д. и пошли по разнымъ странамъ проповѣдывать ученіе Христово. Они уже не боялись теперь ни угрозъ, ни темницы, ни мученій, ни самой смерти. Все полагали ученики Христовы на дѣло Божіе и силы, и здоровье, и самую жизнь. Ихъ били за ихъ проповѣдь о Христѣ, а они радовались, потому что терпѣли за имя Христово; ихъ сажали въ темницы, а они не слушались. И какъ они относились къ своимъ гонителямъ и даже убійцамъ! Они молились за своихъ мучителей и убійцъ: Господи, прости имъ, молились они, когда ихъ побивали,—они (мучители ихъ) не знаютъ, что дѣлають... Злобы и вражды даже ко врагамъ у нихъ не было. Въ ихъ душѣ царила любовь ко всѣмъ, миръ, незлобіе, радость.

(Окончаніе слѣдуетъ).

III.

Есть ли у мірянъ право на управление церковными имуществами?

Революціонное движеніе 1905—1906 г.г. кромѣ массы дефектовъ изъ гражданской жизни государства, выдвинуло на очередь не мало вопросовъ, требующихъ немедленнаго рѣшенія и изъ церковной области. Изъ числа вопросовъ послѣдняго рода, какъ важнѣйшій по своимъ послѣдствіямъ для жизнѣдѣтельности православной церкви, нужно отмѣтить вопросъ объ управленіи церковными имуществами. Среди населенія какъ городского, такъ и сельскаго усиленно пропагандируется мысль, что имущество церковное—достояніе всѣхъ прихожанъ, что духовныя власти не имѣютъ права распоряжаться имъ по своей волѣ, что расходы производятъ не такъ, какъ нужно и пр. Слѣдствіемъ такой агитаціи являются всякаго рода постановленія и приговоры какъ городскихъ, такъ и сельскихъ обществъ объ отказѣ вносить утвержденные Высочайшею Властью платежи съ церквей, подъ разными благовидными предлогами: то за неурожаемъ и бѣдностію населенія, то за отсутствіемъ средствъ вслѣдствіе заботъ о благолѣпіи собственнаго храма; то, наконецъ, не желаютъ дѣлать взносовъ, мотивируя свой отказъ тѣмъ, что большая часть таковыхъ идетъ на духовно-учебныя заведенія, изъ которыхъ выходятъ пастыри, нисколько не заботящіеся о достойномъ прохожденіи своего званія, или какъ, не мудрствуя лукаво, выражаются простецы-крестьяне: «попы то больно плохіе—совсѣмъ безбожники». Отсюда заключаютъ, что духовныя власти, производя расходы, неправильно распоряжаются церковнымъ имуществомъ и что поэтому его нужно отобрать у нихъ и передать для болѣе правильнаго и лучшаго использования въ распоряженіе церковныхъ общинъ.

Таковыя притязанія мірянъ на завладѣніе и управленіе церковными имуществами дѣло въ Христовой церкви не новое: еще въ XII вѣкѣ Іоаннъ патриархъ Антиохійскій писалъ по аналогичному же случаю: «этотъ безпорядокъ или оскорбленіе Бога,—я и не знаю какимъ именемъ назвать то дѣйствіе, что посвященное въ даръ Богу люди и передаютъ людямъ,—этотъ безпорядокъ начался, какъ всѣмъ извѣстно, вмѣстѣ съ ересью Икономахака, распространенъ же усерднѣйшимъ поборникомъ ея—Копронимомъ». Такимъ образомъ начало появленія притязаній мірянъ на завладѣніе церковными имуществами нужно отнести ко времени иконоборческой ереси. Впослѣдствіи домогательства эти повторялись главнымъ образомъ потому, какъ объясняетъ тотъ же патриархъ Іоаннъ, что «врагъ человѣческій примѣшалъ къ этому дѣлу свой ядъ—корысть». Подобныя же притязанія мірянъ извѣстны и у насъ въ Россіи. Еще XIV и XV в.в.,

во время появленія ереси стригольниковъ, новгородцы и псковичи по корыстолюбію и своеволію захватили, по нынѣшнему экспропріировали, церковныя имущества, о чемъ въ 1467 году митрополитъ Филиппъ горько печаловался въ посланіи къ архіепископу Іоану и новгородцамъ. «Твои дѣти, писалъ онъ, нѣкоторые посадники, и тысяцкіи, да и отъ новгородцевъ мнози вставляютъ нѣкая тщетная словеса, мудрствуя себѣ плотскаа, а не душевнаа, и яко забывше Божіа страха казни его... хотятъ грубость чинити святѣй Божіей церкви и грабити святыя и монастыри,... а церкви Божіа грабятъ, да сами тѣмъ хотятъ ся корыстовати». Съ прекращеніемъ ереси стригольниковъ всѣ отобранныя у церквей имущества были возвращены по принадлежности и претензіи мірянъ на церковное достояніе прекратились. Вновь и съ особенною силою выступили онѣ на сцену въ 60-хъ годахъ минувшаго столѣтія. То было время коренной ломки государственнаго строя, время освобожденія крестьянъ отъ крѣпостной зависимости и проведенія въ жизнь либеральныхъ реформъ, связанныхъ съ этимъ грандіознѣйшимъ актомъ державной воли Императора Александра Втораго. Дарованныя Государемъ права земскаго самоуправленія пробудили отъ вѣковой спячки силы общества и послѣднее съ горячимъ энтузіазмомъ принялись перестраивать жизнь на новый ладъ. При бурномъ клокотаніи общественныхъ силъ требовалась масса матеріальныхъ средствъ и вотъ, въ поискахъ за ними, было обращено особое вниманіе и на церковныя имущества. Горячія головы задумали и ими воспользоваться для улучшенія нѣкоторыхъ сторонъ общественной жизни: благотворительности, народнаго образованія и проч. Вотъ эти то вождѣнія либеральныхъ земскихъ самоуправленій и разныхъ «развивателей» народа, для которыхъ ни церковныя каноны, ни церковно-государственные законы не писаны и послужили основаніемъ для движенія мірянъ къ захвату церковныхъ имуществъ—движенію, въ настоящіе дни приближающемуся къ своему наивысшему развитію. Кромѣ этого въ пользу экспропріаціи церковныхъ имуществъ иногда могла служить неудовлетворительная постановка церковнаго хозяйства, при совмѣстномъ завѣдываніи таковымъ причтомъ и старостою, что вполне естественно возбуждало въ обществѣ желаніе урегулировать это дѣло чрезъ передачу его въ общинное распоряженіе. За тѣмъ нѣкоторыя дѣйствія нашей гражданской администраціи въ немалой мѣрѣ способствовали поддержанію въ обществѣ идеи объ общинномъ управленіи церковными имуществами. Сюда нужно отнести учрежденіе, по лютеранскому образцу, въ нѣкоторыхъ губерніяхъ, такъ называемыхъ церковныхъ совѣтовъ, вѣдѣнію которыхъ подлежало все церковное имущество, за исключеніемъ свѣчной суммы, хотя повѣрка таковой подлежала всеа-

ки компетенціи совѣтовъ. Совѣты эти были поставлены въ зависимость отъ губернаторовъ, которые и опредѣляли составъ совѣта, разбирали возникающія въ нихъ недоразумѣнія и только въ исключительныхъ случаяхъ направляли дѣло къ епархіальной власти. Наконецъ на усиленіе домогательства мірянъ къ пріобрѣтенію владѣльческихъ правъ на достояніе церкви могло оказать не малое вліяніе и учрежденіе церковно-приходскихъ попечительствъ, имѣющихъ цѣлю развитіе самостоятельности и поднятіе самодѣятельности приходскихъ обществъ. «Надлежало бы», писалъ г. министръ внутреннихъ дѣлъ по поводу учрежденія церковно-приходскихъ попечительствъ, «возбудить и поощрить самостоятельность приходскихъ обществъ и здѣсь-то учрежденіе приходскихъ совѣтовъ или попечительствъ могло бы принести особую пользу». Всѣ эти въ общей совокупности взятые причины, усиливая дѣятельность обществъ, пробуждали вмѣстѣ съ тѣмъ и желаніе, ради увеличенія общественнаго бюджета, къ безконтрольному владѣнію и распоряженію мірянъ церковными имуществами. Не рѣдко, напр. случалось, что церковно-приходскія попечительства, открываемыя при вновь строящихся церквахъ и по окончаніи своей спеціальной задачи, при наличности уже полного причта, изъясняли притязанія на распоряженіе церковными суммами, чѣмъ въ 1868 г. и вызвано извѣстное правительственное распоряженіе, которое въ рѣшительной формѣ отрицаетъ всяческія попомзновенія ц.-п. попечительствъ къ дѣйствіямъ подобнаго рода.

Существуютъ двѣ формы, въ которыхъ выражаются притязанія приходскихъ общинъ на завладѣніе и управленіе церковными имуществами. Первая самая распространенная форма заключается въ упорномъ стремленіи церковныхъ старостъ къ безконтрольному распоряженію церковными суммами, при этомъ послѣднія расходуются не только для удовлетворенія нуждъ церковныхъ, но и своихъ собственныхъ. Такое явленіе отмѣчено въ крупныхъ центрахъ, гдѣ старостами люди именитые, съ солидными капиталами и виднымъ общественнымъ положеніемъ, а особенно въ Москвѣ—столицѣ старость, не признающихъ никакого авторитета, считающихъ «учеты» личнымъ оскорбленіемъ своей персоны и поднимающихъ шумъ при малѣйшихъ попыткахъ контроля надъ ихъ дѣятельностью, которая не всегда можетъ похвалиться своею безукоризненною чистотою.

Кромѣ единичныхъ личностей—церковныхъ старостъ на распоряженіе церковными имуществами заявляли претензію и цѣлыя общества. Въ этомъ случаѣ въ высшей степени характерно выраженіе притязаній московскаго общества. Въ 1880 году, 18 Декабря Московскимъ губнрекимъ земскимъ собраніемъ было постановлено: ходатайствовать предъ Св. Синодомъ что бы 1) «приходы,

въ смыслѣ приходскихъ обществъ, были признаны за юридическія лица» 2) что бы за приходомъ признано было право всякими, закономъ дозволенными, средствами пріобрѣтать и укрѣплять за собою имущества какъ движимыя, такъ и недвижимыя; 3) что бы имущество каждой приходской церкви было признано за неотъемлемую ея собственность и что бы оно находилось въ завѣдываніи мѣстнаго приходскаго общества и 4) что бы въ этомъ смыслѣ дарована была организація приходскимъ обществамъ какъ городскимъ, такъ и сельскимъ».

Ходатайство это, какъ не имѣющее основаній ни въ церковныхъ канонахъ, ни въ церковно-государственномъ законодательствѣ С. Синодомъ было отклонено.

Точно такіе-же притязанія мірянъ на захватъ церковныхъ имуществъ въ настоящее время усиленно пропагандируются революціонерами и въ Саратовской губерніи.

Для этихъ притязаній нѣтъ ни историческихъ, ни каноническихъ основаній. Разсмотримъ тѣ и другія.

Субъектъ права, или юридическое лицо относительно церковныхъ имуществъ опредѣляется самымъ понятіемъ о томъ, что такое церковныя имущества, какова цѣль и назначеніе ихъ. Въ моисеевомъ законодательствѣ съ таковыми соединялось понятіе «заклятаго, святыни Господней невыкупаемой». «Все заکлятое, читаемъ въ 26 гл. кн. Левитъ, что подъ закліятіемъ отдастъ человекъ Господу изъ своей собственности-человѣка-ли, скотину-ли, поле-ли своего владѣнія,—не продается и не выкупается: все заклятое есть великая святыня Господня; все заклятое, что заклято отъ людей, не выкупается, и не должно замѣнять его; если же кто замѣнитъ его, то и само оно и замѣнъ его будетъ святынею и не можетъ быть выкуплено». (Ст. 28, 29, и 33). Это понятіе «заклятаго, святыни Господней не продаваемой» составляетъ существенное свойство и имуществъ христіанской Церкви. Имущества эти имѣютъ своимъ назначеніемъ удовлетвореніе многоразличныхъ нуждъ церковныхъ, они употребляются на поддержаніе благолѣпія храмовъ и на потребности богослуженія, на дѣла благотворенія въ самомъ широкомъ смыслѣ этого слова и на содержаніе духовенства. Но такъ какъ всѣ эти виды пользованія церковными имуществами направлены къ исполненію цѣли св. церкви—прославленію имени Божія», каковое должно быть вѣчно, то, слѣдовательно и подъ именемъ церковныхъ имуществъ, при помощи которыхъ св. Церковь стремится выполнить свое идеальное назначеніе, нужно разумѣть тѣ имущества, которыя «предназначены для вѣчнаго прославленія имени Божія», или, по выраженію бл. Августина, которыя имѣютъ вѣчною цѣлю «что бы благоувѣствовать». Вполнѣ тоже-стvenенъ съ подобнымъ опредѣленіемъ и взглядъ римска-

го законодательства на церковныя имущества. По римскимъ законамъ всякое мѣсто, вещь, зданіе и вообще всякое имущество имѣющее своею цѣлю прославленіе Бога находилось подъ защитою особаго права,—права божественнаго (*juris divini*). «Высшее раздѣленіе вещей, говоритъ древній юристъ Кай, сводится къ двумъ видамъ; ибо одні вещи принадлежатъ области права божественнаго, другія—области права человѣческаго. Области права божественнаго принадлежатъ вещи священныя, религіозныя, а также посвященныя. Относительно вещей, принадлежащихъ области права человѣческаго, Юстиніанъ замѣчаетъ, что одні изъ нихъ, по натуральному праву, принадлежатъ всѣмъ, другія—публичныя, иныя составляютъ принадлежность государства, а большая часть вещей составляетъ принадлежность отдѣльных лицъ... И подлинно, по натуральному праву принадлежатъ всѣмъ воздухъ, вода и пр., въ публичномъ пользованіи по праву народовъ состоятъ берега рѣкъ, принадлежность государства: театры, ристалища и подобное,» но прибавляетъ Юстиніемъ, «никто не имѣетъ права на священныя вещи, религіозныя и посвященныя, ибо, что принадлежитъ божественному праву, то ни у кого не состоитъ во владѣніи, ибо мы теряемъ право владѣть вещью, какъ только она сдѣлалась священной». Такимъ образомъ существенною чертою церковнымъ имуществомъ слѣдуетъ признать то, когда отъ владѣнія и управленія ими совершенно отстраняются міряне». Что посвящено Богу, постановили отцы IV всел. собора, то не можетъ сдѣлаться мірскимъ» (24), и хотябы священное мѣсто было разорено, оно всетаки не есть мірское и не продается: даже если бы мы презирали религію, то и въ такомъ случаѣ не имѣемъ никакого права домогаться обладанія чѣмъ бы то ни было изъ относящагося къ религіозному культу. Указанное понятіе объ имуществахъ государственнаго культа римлянами заимствовано у древнихъ грековъ. Еще въ 4-мъ в. до Р. Хр. Оиванцы предъ судомъ обвиняли Фокеяна въ томъ, что они захватили храмовыя участки земли и обрабатывали ихъ. За это судъ приговорилъ Фокеяна къ тяжкой денежной пенѣ. Въ силу такого особаго положенія церковныхъ имущества ни государство, ни община, ни частное лицо не могутъ владѣть этимъ имуществомъ. Кто же будетъ обладатель-такъ называемое юридическое лицо относительно этого имущества? Въ 38 и 40 ап. пр. и 41 Кар. соб. имущества эти называются: имущество «принадлежащее Богу» (38 пр.) «имѣніе Господне» (40 пр.) «стяжаніе Господне (41 пр.) Но такъ какъ при помощи этихъ имущества воинствующая церковь стремится достигнуть своей неизмѣнной цѣли:—«прославленія имени Божія», которая вѣчна, то и имущество церковное, какъ орудіе къ выполнению этой цѣли, должно быть, по вы

раженію Юстиніана, имуществомъ «вѣчнымъ, безсмертнымъ». «Каждому человѣку, писалъ Юстиніанъ, дано Творцомъ одно теченіе жизни, конецъ котораго есть смерть. Что же касается досточтимыхъ домовъ и ихъ конгрегацій, которые Богъ хранитъ безсмертными, то неприлично, что бы относительно ихъ имуществъ такъ же наступалъ какой либо конецъ; но подлинно, доколѣ будутъ существовать досточтимыя дома (останутся же они навсегда, даже до конца вѣковъ;—пока будетъ жить и почитаться между людьми имя христіанъ), прилично, что бы также навсегда оставались и ихъ имущества и доходы вѣчными, для нуждъ благотворительности, не имѣющей прекратиться». Такимъ образомъ за тѣмъ и преходящимъ церковнымъ имуществомъ въ силу того, что оно служитъ вѣчной цѣли видимой церкви—прославленію имени Божія, долженъ сохраняться характеръ неизмѣнности: оно «безсмертно» по своему назначенію. Какъ предназначенное къ выполнению идеальной цѣли, «оно», по выраженію римскихъ юристовъ, «не можетъ ни у кого состоять во владѣніи», ни у государства, ни у собранія частныхъ лицъ, ни тѣмъ болѣе у отдѣльных личностей, которыя временны и преходящи,—оно составляетъ неотъемлемое достояніе своей вѣчной цѣли, или что тоже субъектомъ права, юридическимъ лицомъ по отношенію къ церковнымъ имуществамъ является та великая цѣль, выполнению которой онѣ служатъ: вѣчное прославленіе имени Божія. Кромѣ этого обладателя еще не можетъ быть другихъ владѣльцевъ церковнымъ имуществомъ. Поэтому императоры Гонорій и Θεодосій въ 415 г. и писали кареагеніямъ:» то, что по смыслу многообразныхъ нашихъ конституцій принадлежитъ досточтимой церкви, это по справедливости христіанская религія будетъ требовать въ свое владѣніе». Ясно, такимъ образомъ, что ни государственные чиновники, ни земскіе дѣятели и вообще міряне, назначеніе которыхъ забота о временномъ благосостояніи человѣчества и о своемъ личномъ спасеніи,—должны управлять этимъ имуществомъ, а тѣ, кому поручено пасти Церковь Господа и Бога; чьему попеченію ввѣрены души человѣческія, тѣмъ должно принадлежать и право управленія имуществами церкви.

Идеальное юридическое лицо или субъектъ права относительно церковнаго имущества олицетворяется въ субъектѣ реальномъ. Такъ какъ вѣчная цѣль всей видимой церкви—прославленіе имени Божія—выполняется при посредствѣ храмовъ, монастырей, то естественно, что съ этими церковными учрежденіями, какъ видимыми носителями цѣли церкви, связывается и право юридическаго лица относительно церковныхъ имущества. При такомъ юридическомъ лицѣ община должна быть не хозяиномъ церковныхъ имущества, а предметомъ, на кото-

рый простирается дѣйствіе этихъ имуществъ, и трата послѣднихъ на нужды общины должна быть въ строгомъ согласіи съ тою цѣлю, которая требуется благомъ всей церкви. Конечно, храмовое имущество должно прежде всего служить церковному дѣлу въ томъ районѣ, въ которомъ центромъ является самый храмъ. Но если-бы для выполненія общей, вѣчной цѣли церкви потребовалось расходовать имущество въ другомъ мѣстѣ, то противо-дѣйствіе общинъ этому было-бы уже притизаніемъ на „достояніе Господне“!

Справедливость такого рѣшенія о собственникѣ церковнаго имущества подтверждается и римскимъ правомъ. По римскимъ законамъ церковное имущество, пока служить вѣчной цѣли церкви, находится въ такъ такъ называемъ *in sacro statu* (5 Sacer status кратко выражаетъ всѣ привилегіи владѣнія и управленія имуществами государственнаго культа); но разъ имущество перестаетъ служить своей цѣли, напр: потому, что община уклонилась въ ересь, то и имущество исключалось изъ *sacro statu* и дѣлалось мірскимъ, или же передавалось другому церк. учрежденію, не отпадшему отъ общей цѣли церкви. Такъ, по закону Конст. Вел. (326 г.) всѣ привилегіи, предоставленныя христіанской церкви, не распространяются на еретиковъ и, слѣдовательно, имъ не дано права и на имущества, дарованныя церкви эдиктами Константина Великаго. Въ 396 г. Аркадій и Гонорій опредѣлили, что-бы храмы и владѣнія еретиковъ отчуждались въ пользу православной церкви; наконецъ, въ 452 году Валентиніанъ и Маркіанъ узаконили, что-бы домъ, который построили еретики и въ которомъ собирались, или монастырь, или вообще всякое имѣніе—передавались въ собственность православной церкви того города, въ территоріи котораго находились еретики. Въ исключительныхъ случаяхъ, напр. во время нашествія непріятелей, церковное имущество, захваченное врагами теряло свой *sacrum statum*. По освобожденіи же отъ враговъ имущество вновь получало свое первоначальное назначеніе. По словамъ юриста Помпонія: „священные мѣста, когда переходятъ во власть непріятеля, перестаютъ быть таковыми т. е. священными, подобно тому, какъ и чловѣкъ свободный, перешедшій въ рабство. Освобожденный же отъ этого бѣдствія, онъ снова приводится въ прежнее состояніе“.

Что храмы и другія церковныя учрежденія—собственники церковныхъ имуществъ, подтверждается тѣми данными, по которымъ, на основаніи римскаго права, признается способность владѣть собственностью за каждой отдѣльной церковью, какъ учрежденіемъ. Сюда относятся законы о правѣ церквей пріобрѣтать въ собственность имущества по завѣщанію. Такъ, въ 321 году Константиномъ Великимъ предоставлено право всѣмъ ос-

тавлять въ пользу храма, кто что пожелаетъ. Въ 455 г. законъ этотъ былъ подтвержденъ съ добавленіемъ къ нему „что-бы имущество, которое завѣщаетъ въ пользу церкви, или мученику, или клиру... вдова, или діаконисса, или дѣва, посвященная Богу,... что-бы это имущество оставалось твердо огражденнымъ и всѣми способами закрѣпленнымъ. Сюда-же относится и законъ Юстиніана, разъясняющій недоразумѣнія, возникавшія при вступленіи церквей въ право владѣнія имуществами, завѣщанными на имя Господа Иисуса Христа, или ангеловъ, или святыхъ. Кромѣ этого есть много узаконеній, въ которыхъ различаются имущества церковныя или монастырскія отъ имуществъ, принадлежащихъ клирикамъ и монахамъ.

Что, наконецъ, право собственности принадлежитъ отдѣльнымъ церквямъ, доказывается тѣми римскими законами, которыми нормируется порядокъ отчужденія церковныхъ имуществъ чрезъ передачу или аренду. „Если у церквей или монастырей по законамъ Юстиніана есть имѣнія, то, сообразуясь съ выгодною досточтимыхъ домовъ, позволительно уступать эти имущества въ наемъ... при чемъ досточтимые дома могутъ заключать и между собою аренды; церквямъ дозволяется также совершать взаимный обмѣнъ имуществъ“.

Такимъ образомъ, въ законахъ Юстиніановскаго періода права собственниками церковнаго имущества считаются не общины и не различныя религіозныя корпораціи, или какія либо лица, но храмы и церковныя учрежденія, владѣющія имуществомъ ради достиженія вѣчной цѣли церкви; въ этомъ случаѣ и означенное имущество, «подобно самой святой церкви, почтительно сохраняется неприкосновеннымъ для того, что-бы, какъ сама мать религіи и вѣры постоянна и неизмѣнна, такъ и отцовское наслѣдіе ея непрестанно вмѣстѣ съ нею сохранялось неповрежденнымъ».

И древніе отцы церкви субъектомъ права относительно церковныхъ имуществъ считали церкви и другія церковныя учрежденія. „Прилично церкви владѣть имуществами, писалъ бл. Августинъ,—прилично также, что бы, ради совершенства христіанской любви, не дорожить частными имуществами. Ибо церковныя имущества не суть частныя, но принадлежать церкви; потому всякій частною своею собственностію можетъ распорядиться по всей своей волѣ и быть презрителемъ своего имущества; но какъ скоро онъ сдѣлался предстоятелемъ церкви, то относительно всѣхъ имуществъ церковныхъ онъ долженъ быть домостроителемъ, а не презрителемъ ихъ“. Въ подтвержденіе этого, бл. Августинъ приводитъ примѣръ, изъ практики древней церкви, какъ доказательство того, что за отдѣльными церквями признавалось неприкосновенное право собственности на церковное имущество. Указываетъ на св. Павлина и на св. Иларія, которые „не толь-

ко сберегли все, что тогда имѣли ихъ церкви, но и увеличили ихъ имущество, получивши безчисленные наслѣдства по завѣщаніямъ вѣрующихъ“. „Итакъ, заключаетъ бл. Августинъ, эти люди безъ сомнѣнія ученичійше столько-же въ предметахъ свѣтскихъ, сколько и въ духовныхъ, если-бы знали, что имущества церковныя должны быть презираемы, то никогда не должны были-бы удерживать ихъ,—они, которые все свое частное имущество пренебрегли“.

Итакъ, идея церкви—вѣчное прославленіе имени Божія—юридическое лицо по отношенію къ церковнымъ имуществамъ; но такъ какъ видимые носители этой идеи—храмы и другія церковныя учрежденія, то и субъектъ права юридически прикрѣпляется къ этимъ церковнымъ учрежденіямъ. На этомъ основаніи Св. Синодъ въ 1884 г. и отклонилъ ходатайство Московскаго губ. зем. собранія о передачѣ церковныхъ имуществъ во владѣніе церковно-приходскихъ общинъ: „храмы, сказано въ Синодальномъ отдѣленіи, какъ болѣе устойчивыя единицы, чѣмъ общины, могущія измѣняться въ своемъ составѣ и быть перечисляемы, являются болѣе надежнымъ и устойчивымъ собственникомъ церковнаго имущества, чѣмъ эти послѣднія; съ другой стороны, храмы, какъ единицы неизмѣнныя и при томъ многочисленныя, являясь юридическими лицами, способствуютъ успѣшному исходу всякихъ юридическихъ случайностей, какими могутъ подпадать церковныя имущества“.

Изъ идеи о храмахъ и другихъ церковныхъ учрежденіяхъ, какъ собственникахъ церковныхъ имуществъ, естественно вытекаетъ рѣшеніе и вопроса о томъ, кто долженъ распоряжаться—управлять этими имуществами и кто не имѣетъ никакого права выражать притязанія на это дѣло. Еще во дни земной жизни Господа нашего Иисуса Христа на востокѣ во всеобщемъ употребленіи была пословица: „че владѣніе, того и управленіе“. По замѣчанію папы Іоанна (VI в.), таково требованіе божескихъ и человѣческихъ законовъ, что-бы, кого владѣніе (имущество), тому принадлежало и управленіе“. Такъ какъ вѣчная цѣль церковныхъ имуществъ—прославленіе имени Божія, каковая выполняется чрезъ созиданіе тѣла Христова-церкви, или чрезъ спасеніе душъ человѣческихъ, то и церковныя имущества должны быть направляемы къ достиженію этой цѣли лицами, которымъ поручено пасти Церковь Господа и Бога,—лицами, которыя имѣютъ всю полноту власти церковной. Таковыя лица лица въ Св. церкви—епископы. Имъ, какъ носителямъ всей церковной власти, какъ ведущимъ управленіе всякаго рода церковными дѣлами и должно вести управленіе церковными имуществами. Что епископы должны управлять церковными имуществами, объ этомъ свидѣлствуютъ: исторія первенствующей церкви, церков-

ные каноны и древніе греко-римскіе законы, которыхъ до мельчайшихъ подробностей опредѣлена форма управленія церковными имуществами. Въ періодъ апостольскій—апостолы были распорядителями бывшихъ тогда приношеній въ церковь. Въ Дѣяніяхъ повѣствуется: всѣ, которые владѣли землями, или домами, продавая ихъ, приносили цѣну проданнаго и „полагали къ ногамъ Апостоловъ“, и каждому давалось, въ чемъ кто имѣлъ нужду. „(IV, 34—37, V, 1—4) Приношенія „полагали къ ногамъ Апостоловъ“ очевидно за тѣмъ, чтобы они дары распредѣляли на церковныя нужды. Апостолы распоряжались имуществомъ первенствующей церкви.

Объ этомъ свидѣлствуетъ Св. Апостолъ Павелъ, когда приглашаетъ коринѣскихъ христіанъ отдѣлять пожертвованія въ пользу церкви „въ первыйде нь недѣли, что-бы не дѣлать сборовъ, когда я приѣду (т. е. что-бы при посѣщеніи не задержать его сборами). Когда-же приѣду, то, которыхъ вы изберете, „тѣхъ отправлю“ съ письмами, „для доставленія вашего подаянія въ Іерусалимъ“. (I Кор. XVI, 2—3). Отсюда понятно, что первые христіане не осмѣливались даже дѣлать сборовъ пожертвованій безъ присутствія апостоловъ, а если, съ разрѣшенія апостола, и производили таковыя то оставляли собранное до апостольскаго распоряженія. Что апостолы распоряжались церковнымъ имуществомъ, видно изъ самаго названія присвоеннаго ихъ служенію—«діаконія». По толкованію отцевъ VI-го всел. собора, «діаконія» тогда означало домостроительство. Съ теченіемъ же времени, когда общество христіанъ значительно увеличилось и личное заведываніе церковнымъ имуществомъ являлось уже препятствіемъ служенію благовѣстія, то, по требованію апостоловъ, общество вѣрныхъ изъ своей среды избрало семь человекъ для заведыванія церковными имуществами и апостолы, помоляся, возложили на нихъ руки. (Дѣяній VI, 6). Избранные мужи были помощниками апостоловъ въ управленіи имуществами церкви и дѣйствовали подъ непосредственнымъ апостольскимъ надзоромъ. (I Тим. III, 8—10). Что касается мірянъ, то имъ поручалось только доставлять приношенія къ мѣсту назначенія. (II Кор. VIII—18—22). Послѣ апостоловъ преемниками ихъ власти по управленію церковными имуществами сдѣлались епископы. Мысль эта скоро сдѣлалась господствующею и въ церковномъ законодательствѣ. Апостольскія правила—сводъ преданій и обычаевъ древней церкви, ведущихъ свое начало отъ временъ апостольскихъ, заповѣдуютъ: «Епископъ да имѣетъ попеченіе о всѣхъ вещахъ, и оными да распоряжаетъ, яко Богу назидующу («Апост. Прав. 38»). Повелѣваемъ епископу имѣть власть надъ церковнымъ имѣніемъ. Аще бо драгоценныя человѣческія души ему ввѣрены быть должны; то колыми

паче о деньгахъ заповѣдано быть должно, чтобы онъ всѣмъ распоряжалъ по своей власти, и требующимъ чрезъ пресвитеровъ и діаконовъ подавалъ со страхомъ Божиимъ и со всякимъ благоговѣніемъ: также (аще нужно) и самъ заимствовалъ на необходимыя нужды свои и страннопріемлемыхъ братій, да не терять недостатка ни въ какомъ отношеніи («ап. пр. 41»). Соборъ Гангрскій (340 г.) постановилъ: «да будутъ подѣ клятвою тѣ, которые будутъ принимать или раздавать церковныя приношенія безъ воли епископа, или того, кому поручены таковыя» (Пр. 7-е). По смыслу этихъ классическихъ правилъ, отъ которыхъ никогда не отступала практика Православной церкви, епископъ является главнымъ и безконтрольнымъ—яко Богу назирающему, распорядителемъ церковнаго имущества. Основаніе такого полномочія въ томъ нравственномъ довѣріи, которое онъ заслуживаетъ по самому сану и въ силу котораго, благодатию Духа Святаго, ему ввѣрены «драгоцѣнныя человѣческія души.» Если же правила требуютъ, чтобы онъ пособія нуждающимся раздавалъ чрезъ пресвитеровъ и діаконовъ, то это предписано не ради контроля дѣйствій епископа, а въ цѣляхъ охраненія чести его отъ всякихъ нареканий со стороны постороннихъ лицъ.

Помощниками епископа въ дѣлѣ управленія церковными имуществами, по апостольскимъ правиламъ (3,4 и 41) являлись пресвитеры и діаконы. Обязанности ихъ состояли въ томъ, что они принимали пожертвованія и чрезъ нихъ только послѣднія, по волѣ епископа, раздавались. Они же были и охранителями церковнаго имущества. Независимо дѣйствовать, безъ вѣдома епископа, пресвитеры діаконы не могли, такъ какъ были только помощниками епископа,—органами его власти по управленію имуществомъ, самая же власть сосредоточивалась въ лицѣ епископа. Да и самое названіе присвоенное лицу высшей церковной іерархіи—«епископъ» указываетъ на его компетентность во всѣхъ церковныхъ дѣлахъ, имущественныхъ въ частности,—дѣятельность его въ управленіи характеризуется словомъ «экономія»,—домостроительство. Въ большей части эпитафій епископамъ высказывается похвала какъ распорядителямъ дѣлами милосердія и церковной благотворительности, на что указываетъ и бл. Іеронимъ словами: «слава епископовъ есть облегченіе бѣдныхъ».

Существенныхъ перемѣнъ въ дѣлѣ управленія церковными имуществами не произошло и въ періодъ вселенскихъ соборовъ. Появленіе ересей, и вмѣстѣ съ ними многихъ злоупотребленій въ разныхъ сторонахъ церковной жизни, въ томъ числѣ и въ управленіи церковными имуществами, понудило церковь категорически подтвердить древніе обычаи и правила управленія таковыми. Противъ притязаній нѣкоторыхъ еретиковъ на самоволь-

ное распоряженіе церковными имуществами Гангрскимъ соборомъ (340 г.) объявлена анаѳема. А 24 и 25 прав. Антиох. соб. (341 г.) являются только подтвержденіемъ и разъясненіемъ 38, 40 и 41 апостольскихъ правилъ. Но отцы этого, собора признавая полноту власти епископа въ дѣлѣ распоряженія церковнымъ достояніемъ, выразили вмѣстѣ съ тѣмъ мысль о подчиненіи власти епископа—собору 25 пр., и пояснили при этомъ, что пресвитеры и діаконы распоряженія церковнымъ имуществомъ должны вести согласно волѣ епископа. Эти указанія Антихійскаго собора 25 пр. и Карфагенскаго 42 пр. на участіе пресвитеровъ и діаконовъ въ дѣлѣ управленія церковными имуществами вызваны были извѣстнымъ въ то время выдѣленіемъ изъ городскихъ союзовъ при епископскихъ каѳедрахъ отдѣльныхъ селѣскихъ и городскихъ парикій. Выполнѣ нормальнымъ было, при отдѣльной группировкѣ вѣрующихъ около новыхъ центровъ—храмовъ, удаленныхъ иногда на значительное разстояніе отъ епископской каѳедры и съ новымъ запасомъ имущества, возложить на пресвитеровъ—настоятелей новыхъ церквей, больше полномочій по храненію и распредѣленію церковныхъ имуществъ. Кромѣ того вслѣдствіе умноженія церковныхъ имуществъ—распредѣленіе его по отдѣльнымъ церквямъ становилось для одного епископа дѣломъ хлопотливымъ и затруднительнымъ, по этому 26 пр. Халкидонскаго собора узаконяетъ древній обычай, чтобы епископъ имѣлъ при себѣ одного исполнителя его воли по управленію церковными имуществами—эконома. «Какъ кажется, Вальсамонъ замѣчаетъ на это правило, до настоящаго правила большая часть епископовъ экономами дѣлали мірянъ. Итакъ, исправляя сіе, божественные отцы повелѣваютъ, чтобы церковнымъ имуществомъ распоряжались клирики съ вѣдома епископа, дабы такимъ образомъ, извѣстны были доходы церкви и не расточались и дабы епископъ былъ свободенъ отъ нареканій». Но ни экономы при епископскихъ каѳедрахъ, ни священники при приходскихъ церквяхъ безъ воли епископа не могли распорядиться церковнымъ имуществомъ, даже въ томъ случаѣ, когда епископская каѳедра было праздною. Изъ принадлежащаго церкви, постановили отцы Анкирскаго собора, аще что продали пресвитеры въ небытность у нихъ епископа да востребуетъ оное церковь» 15 пр. По толкованію Вальсамона, такого рода продажа церковнаго имущества считалась не дѣйствительною: «по многому другому, а не менѣ потому, что церковь во время продажи не имѣла епископа. Отношенія пресвитерской дѣятельности къ власти епископа по управленію церковными имуществами ясно и рѣшительно опредѣляетъ въ своемъ декретѣ папа Левъ: «каждый приходъ, писалъ папа къ британскимъ епископамъ, долженъ быть управляемъ подѣ надзоромъ и блюстителствомъ епископа чрезъ священниковъ или

прочихъ клириковъ, которыхъ онъ самъ со страхомъ Божиимъ предназначилъ сообразно съ тѣмъ, кого по праву ему казалось нужнымъ приставить къ этой должности и кого обойти для того, чтобы въ заботахъ о матеріальномъ благосостояніи церкви ему видно было, что необходимо». Вообще церковное законодательство требуетъ, чтобы дѣла благоустройства церквей, всѣ приношенія и все имущество ихъ было во власти епископа.

Гражданское законодательство въ періодъ вселенскихъ соборовъ было вполне солидарно съ церковнымъ, что и давало послѣднему силу закона государственнаго. По вопросу объ управленіи церковными имуществами за это время, на общихъ началахъ римскаго права, составлено было цѣлое обширное «уложение». Опредѣляя мельчайшія юридическія случайности съ церковною собственностью, греко-римское законодательство власть управленія этою собственностью признаетъ за однимъ только епископомъ.

Греко-римскимъ законодательствомъ признается цѣлый штатъ ближайшихъ распорядителей церковнымъ хозяйствомъ (экономовъ, экдиковъ, халтуларіевъ, ксенодоховъ и пр.) но ихъ распоряженія всегда существенно отличаются отъ прерогативъ власти епископа. Именно: законы объ управленіи церковными имуществами почти всегда издавались императорами на имя епископовъ, или митрополитовъ. Въ этихъ законахъ дѣятельность экономовъ и прочихъ распорядителей имуществомъ выражается понятіемъ *administratio*—управленіе, распоряженіе отношеніе же епископа къ этому имуществу—понятіемъ *potestas*—власть; должность первыхъ называется словомъ *praesul administrator*; епископу же въ отношеніи къ имущественнымъ дѣламъ присвоено названіе *episcopus*, или же *antistes* (предстоятель). За тѣмъ по этимъ законамъ епископу дано право санкціонировать всѣ дѣла по управленію церковными имуществами: онъ принимаетъ имущество, завѣщанное въ церковь и распоряжается таковымъ, распределяетъ его, въ силу завѣщанія между благотворительными домами и бѣдными, вообще епископъ, при наличности средствъ, даетъ разрѣшеніе на постройку новыхъ храмовъ, онъ же разрѣшаетъ сдачу, въ арендное пользованіе, церковныхъ имуществъ; торги на отдачу церковнаго имущества въ залогъ за долги, по разслѣдованіи этого дѣла епископомъ, утверждаются имъ же. Вообще по греко-римскимъ законамъ, «мѣстные святые епископы должны требовать въ свое управленіе всѣ тѣ имущества, которыя назначены, какъ говорится, «*omnibus piis causis*, *) и распоряжаться таковыми, исполняя волю завѣщателей и помня, что за небреженіе всего этого они дадутъ отчетъ Богу».

Поэтому, если кто изъ помощниковъ епископа по

*) на всѣ святыхъ цѣли. Авт.

управленію церковными имуществами самовольно осмѣливался распорядиться означеннымъ имуществомъ, то таковой ослушникъ подвергался очень тяжкому обвиненію—въ святотатствѣ. Имущество же церковное, проданное безъ воли епископа, удерживалось при церкви и неподписанный епископомъ контрактъ не имѣлъ значенія (Анк. соб. пр. 15.).

Насколько велика была власть епископа по управленію церковными имуществами въ періодъ вселенскихъ соборовъ, видно изъ того, что епископы протестовали не только противъ притязаній мірянъ, но и противъ вмѣшательства правящей свѣтской власти въ сферу управленія этимъ имуществомъ. «Епископы, пишетъ Кириллъ Александрійскій, обязаны отвѣчать только Богу въ своей совѣсти и не должны давать отчета никакой власти, никакому свѣтскому начальству».

Повелите, папа Левъ писалъ императору, — чтобы церковная отчетность провѣрялась священными же лицами по преданному обычаю».

Такимъ образомъ, требованія канонныхъ церковныхъ и древнихъ греко-римскихъ законовъ сводятся къ тому, что въ св. церкви одно только лицо должно обладать полнотою власти относительно распоряженій церковными имуществами—Епископъ; священники же, экдики, экономы и прочія лица священнаго клира являются только ближайшими его помощниками въ этомъ дѣлѣ, дѣйствующими единственно только по волѣ и распоряженію своего епископа. Участвію же мірянъ въ этомъ правительственно-церковномъ дѣлѣ нѣтъ мѣста, по сему и домогательства ихъ на управленіе церковными имуществами представляются противозаконнымъ актомъ самовольнаго захвата.

Кромѣ указанныхъ положительныхъ законовъ, опредѣляющихъ нормы правильнаго распоряженія церковными имуществами, сохранилось не мало соборныхъ опредѣленій и мнѣній отцовъ, направленныхъ къ выясненію отрицательной стороны, т. е. того, чего не должно быть въ управленіи церковнымъ достояніемъ. Эти постановленія и опредѣленія въ рѣшительной формѣ отвергаютъ претензіи мірянъ на вмѣшательство въ распоряженіе церковными имуществами, считаютъ притязанія ихъ на участіе въ этомъ дѣлѣ ни съ чѣмъ несообразнымъ явленіемъ. «Поелику священнослужители, писалъ бл. Іеронимъ папѣ Дамасу 367—383 г., должны молиться за всѣхъ тѣхъ, за которыхъ получаютъ милостыни и приношенія, то на какомъ основаніи міряне, по обязанности своей не имѣющіе обыкновенія молиться за народъ, мечтаютъ забирать себѣ или отдавать другимъ то, что христіане приносятъ за свои грѣхи. За это, славный папа, ты долженъ осудить оныхъ захватчиковъ на непрерывное отлученіе, что бы прочіе имѣли страхъ и не повторя-

лось бы больше въ церкви такое безчинство». На основаніи этого письма папа Дамась и обратился къ мірянамъ съ декретомъ, въ которомъ писалъ: «На какомъ основаніи, или по чьему дозволенію вы желаете получить приношенія, вы, которые за себя, а не то что за другихъ, едва можете возносить молитвы Богу? Подлинно справедливо, что и противъ божественнаго правила и во вредъ своей душѣ поступаетъ тотъ, который старается дѣлать то, что ему никоимъ образомъ не дозволяется». Гораздо позже и другіе папы дѣлали подобныя же распоряженія. «Предписываемъ, писалъ одинъ изъ нихъ, что бы десятины, начатки и приношенія за живыхъ и умершихъ возвращались мірянами божественнымъ церквамъ и что бы находились во власти епископовъ; если же кто таковыя приношенія удержитъ, то лишится церковнаго общенія». «Десятинами, которыя въ пользу благочестія уступлены, повелѣвалъ другой, да управляетъ церковная власть; распоряжаться же ими мірянамъ мы своею апостольскою властію запрещаемъ. Если же кто изъ нихъ удержитъ что нибудь изъ церковнаго имущества, то пусть знаетъ, что таковой подвергается опасности быть обвиненнымъ въ святотатствѣ». Толедскій IV-й соборъ (633 г.) опредѣлилъ: «Пусть знаютъ строители церквей, что относительно имущества, которыя они пожертвовали въ пользу церкви, они не имѣютъ никакой власти; ибо какъ церковь, такъ и даръ въ пользу ея согласныя опредѣленія церковныхъ каноновъ относятъ ко власти епископа». Граціанъ, приведя эти и еще цѣлый рядъ соборныхъ опредѣленій и мнѣній отцовъ, дѣлаетъ справедливое заключеніе: «Послѣ приведенныхъ мнѣній становится очевиднымъ, что церкви со всѣми своими имуществами входятъ въ кругъ управленія епископа, и кажется благопотребнымъ, чтобы церкви, такъ же, какъ приношенія и имущества ихъ, были устранены отъ управленія мірянъ».

Въ канонахъ Вселенской церкви и въ законахъ императоровъ греко-римскаго и византійскаго періодовъ важнѣйшихъ источникахъ церковнаго права, нѣтъ основаній для домогательствъ мірянъ на распоряженіе церковными имуществами, потому что церковное достояніе подлежитъ управленію власти церковной какъ и государственныя имущества вѣдѣнію власти государственной. Даже пресвитеры церковные не имѣютъ, безъ воли епископа, права управлять имъ, ибо имъ принадлежитъ только право служенія, но не право управленія, которому только и подлежатъ церковныя имущества. Міряне же, какъ не имѣющіе никакихъ прерогативъ іерархіи, къ храмамъ Божіимъ обязаны только почтеніемъ и благотвореніемъ, все же остальное не ихъ компетенціи дѣло, — таково резюме всѣхъ каноновъ, декретовъ и государственныхъ законовъ относительно управленія имуществами

церкви. Духомъ этихъ древнихъ законоположеній проникнуты и опредѣленія-нормы нашего русскаго церковно-государственнаго законодательства и постановленія православной церкви по отношенію къ управленію церковными имуществами. Русская церковь, заимствовавшая вѣру православную отъ Греческой церкви, вмѣстѣ съ тѣмъ получала отъ нея іерархію и законы не только церковные, но и церковно-гражданскіе. Первая часть греческаго номоканона или сборникъ церковныхъ постановленій, всегда неизмѣнныхъ, въ полномъ составѣ былъ принятъ и русскою церковью. Вмѣстѣ съ этимъ были приняты и введены въ общее руководство и тѣ каноны, которыми опредѣлялись формы управленія церковными имуществами, такъ что съ этой стороны въ источникахъ русскаго церковнаго права новаго, существенно отличнаго отъ каноновъ греческой церкви указать ничего невозможно. Вопросъ теперь въ томъ, въ какомъ объемѣ приняты русскою гражданской властію законы греческихъ императоровъ, относящіеся къ церковному благоустройству? Въ полномъ ихъ видѣ, или въ частяхъ и съ измѣненіями? Владиміръ св. въ своемъ уставѣ ссылается на постановленія греческихъ императоровъ: «мы есмы управили (т. е. уставъ) по св. отецъ правиломъ и по первыхъ царевъ управленію». Никонъ лѣтописецъ упоминаетъ о примѣненіи ихъ у насъ далѣе, князья и цари въ своихъ указахъ и грамотахъ, соборы въ опредѣленіяхъ и митрополиты въ посланіяхъ постоянно кромѣ каноновъ дѣлаютъ ссылки и на законы греческихъ императоровъ; наконецъ, сборникъ церковно-гражданскихъ постановленій греческихъ императоровъ подъ оглавленіемъ: «Судебникъ царя Константина» или «законъ судный людемъ царя Константина Великаго» помѣщенъ въ спискахъ славянскаго номоканона, дошедшаго до насъ отъ 13 вѣка (Бормч. гл. 46). Несомнѣнно однако то, что изъ греко-римскихъ законовъ по дѣламъ церковнымъ опущено было то, что являлось несоответственнымъ потребностямъ русскаго народа и общимъ условіямъ страны. Опущенное дополнялось уставами и грамотами князей, при чемъ въ составленіи уставовъ и всѣхъ грамотъ принимали не малое участіе митрополиты и епископы. Чего далѣе не доставало для русской церковной практики, то восполнялось постановленіями русскихъ помѣстныхъ соборовъ и указами, вносившимися въ кормчія царей и князей. Въ церковно-гражданскія узаконенія ихъ вносилось не мало самобытнаго чисто русскаго элемента, хотя въ древнѣйшихъ нашихъ церковно-гражданскихъ положеніяхъ всегда встрѣчаются ссылки на кодексы греческихъ императоровъ. Понятно, что христіанство и іерархія при своемъ появленіи на Руси являлись учрежденіями новыми для мѣстныхъ жителей, отношенія ихъ къ туземцамъ и властямъ не были еще строго нормиро-

ваны, не были приспособлены къ мѣстному порядку вещей. И вотъ на Руси,—точно такъ же, какъ и въ римской имперіи, гдѣ съ признаніемъ христіанства государственнымъ культомъ послѣдовалъ рядъ императорскихъ эдиктовъ, опредѣлявшихъ государственныя и гражданскія права церкви,—появились княжескія церковно-уставныя грамоты съ мѣстными опредѣленіями государственныхъ, гражданскихъ и въ частности имущественныхъ правъ русской церкви. Св. вѣра, перенесенная на славянскую почву, изъ страны съ ясными, точными и строго опредѣленными государственными, гражданскими и церковными законами, въ новой землѣ встрѣтила народъ темный, неразвитой, съ грубыми правами и обычаями и съ едва замѣтными проблесками государственнаго порядка и гражданскихъ отношеній. Поэтому на церковь выпала трудная, хотя въ высшей степени и благодарная, задача, вмѣстѣ съ просвѣщеніемъ страны свѣтомъ Христова ученія, устроить на основахъ права какъ ея государственный строй, такъ и гражданскій бытъ. Это проведеніе въ жизнь идеаловъ государственнаго устройства въ новообразованной странѣ легло всею своею тяжестью на представителей новой вѣры духовенство, явившееся на Русь съ солидными знаніями, какъ общаго государственнаго, такъ и государственно-церковнаго права своей родной страны. Труды представителей новой вѣры въ этой области являлись очень цѣнными въ глазахъ власти и общества, вслѣдствіе чего и компетенція церкви присвоена была такой кругъ дѣйствій, какого не было и въ Греціи. Духовенство само по себѣ никогда не добивалось какихъ либо преимуществъ, особенно въ ущербъ свѣтской власти; но сами князья предоставляли ему разныя права на участіе въ управленіи и гражданскихъ дѣлахъ своихъ областей. При такомъ положеніи церкви, не было ей нужды поступаться какими либо правами не только въ пользу церковныхъ общинъ, но и государственной власти, да и сами міряне не смѣли и думать, чтобы выразить притязанія на какія либо прерогативы церкви и въ частности на имущественныя права ея.

Изъ важнѣйшихъ по общей въ то время распространенности и дошедшихъ до насъ памятниковъ церковно-законодательнаго характера нужно отмѣтить уставъ великаго князя Владиміра Святославича, «управленный, какъ пишетъ авторъ его, по святыхъ отецъ правиломъ и первыхъ царь управленію и седми съ боръ святыхъ отецъ вселенскихъ». Цѣль устава—матеріальное обезпеченіе получившей государственныя права церкви. Въ уставѣ содержится два общихъ закона: одинъ о церковныхъ судахъ, другой о доходахъ и имуществѣ церкви. О доходахъ и имуществѣ законъ слѣдующій: «Создахъ церковь святыа Богородица Десятинную, и дахъ ей десятину изъ всего своего княженія въ соборную церковь—

отъ всего княжа суда десятую вѣшу, не торгу десятую недѣлю, а изъ домовъ на всякое лѣто, отъ всякаго стада, и отъ всякаго жита чудному Спасу и чуднѣй Богородици. И посемъ не надобѣ уступатися ни дѣтемъ моимъ, ни внучатомъ, ні всему роду моему до вѣка». Послѣ исчисленія церковныхъ судовъ составитель устава продолжаетъ: «Се же искони поручено Богомъ святителемъ и епископамъ ихъ: городскія и торговыя, всякаа мѣрила и спуды, извѣсы, ставила, отъ Бога како искони уставленное, митрополиту блюсти бес пакости,—ни умалити. ні увеличить за все то въздати ему слово въ день суда великаго, якоже о душахъ человѣческихъ». Далѣе, на митрополитѣ или епископѣ лежитъ управленіе разными церковными учрежденіями: монастырове, больницы, гостиницы, странноприимцы, и митрополитъ, или епископъ вѣдаетъ промежіи ими, судъ, или обида которая, или задница (выморочныя имущества)». Эти законы въ уставѣ оканчиваются угрозою: «Аще кто преступить сіа правила, якоже есмь управилъ по святыхъ отецъ правиломъ и первыхъ царь управленію, кто иметъ преступати правила сіа... да будутъ прокляты въ сій вѣкъ и вбудущій о седми соборѣ святыхъ отецъ вселенскихъ»; послѣ угрозы снова повторяется законъ о десятинѣ: «и мати митрополиту десятину отъ дани, и отъ виры, и отъ продажъ, и отъ лова княжа,—что уходитъ во дворъ княжъ отъ всего».

Такимъ образомъ, по уставу Св. Владиміра, источниками для матеріальнаго обезпеченія церкви служатъ: десятина отъ доходовъ князя, судныя пошлины, пошлины съ торговыхъ мѣръ и вѣсовъ и, наконецъ, недвижымыя имущества. Юридическимъ лицомъ по отношенію къ церковнымъ имуществамъ, по уставу, являются «чудный Спасъ и чудная Богородица»; видимое выраженіе субъекта права—храмъ,—церковь Десятинная; имущество, отдѣленное въ пользованіе ея, не прикосновенно: и посемъ не надобѣ уступатися ни дѣтемъ моимъ, ни внучатомъ, ні всему роду моему до вѣка»; распоряженіе и управленіе этимъ имуществомъ «искони поручено Богомъ святителемъ и епископамъ». Имущественныя права, предоставленныя уставомъ церкви Десятинной, хотя и не имѣли силы закона обязательнаго для всей тогдашней Руси—для различныхъ удѣловъ; но по силѣ единства власти, преданій и обычаевъ церкви распространялись, какъ руководственные, по всей русской церкви, что было вполне естественно, такъ какъ центральная церковная власть въ то время сосредоточивалась въ Кіевѣ и распоряженія ея по имущественнымъ вопросамъ церкви простирались на церкви другихъ областей и дѣйствовали тамъ въ формѣ обычнаго русскаго права. Поэтому и въ уставахъ князей 12 в. сравнительно съ уставомъ Св. Владиміра нѣтъ никакихъ нововведеній по имуществ-

веннымъ правамъ церкви; встрѣчается только подтвержденіе и изъясненіе способа пользованія ими.

Что-же касается монастырей, то они уставомъ св. Владиміра ставятся наравнѣ съ церковными людьми и больницами: «а се люди церкви, преданіи митрополиту по правиломъ: игумень, попь, слѣпецъ, хромецъ, «монастырове», больницы... митрополитъ вѣдаетъ промежіи имъ судъ»; слѣдовательно монастырское имущество—собственность церкви; собственникомъ его признается монастырская церковь; вѣдѣнію подлежитъ—митрополита или епископа. Яснѣе и точнѣе эта мысль выражена въ жалованной грамотѣ 1128—1132 великаго князя Мстислава Влад. и сына его Всеволода, данной Юрьеву монастырю: «Се азъ Мстиславъ... повелѣлъ есмь сыну Всеволоду «отдати буиць святому Георгіеву» съ дани и съ вирами.. и вѣно вотское даже который князь по моему княженію начнетъ «хотѣти опяти у святого Георгія», а Богъ буди за тѣмъ и святая Богородица и тотъ святѣй Георгій у него то отнимаетъ».

Въ приведенной грамотѣ Всеволода и уставѣ св. Владиміра церкви трактуется, какъ собственникъ соборныхъ и монастырскихъ имуществъ, управленіе которыми подлежитъ компетенціи митрополита или епископа, и, хотя отъ управленія церковными имуществами совершенно отстранены князья и лица княжескаго дома, однако нѣтъ еще указаній на то, что и церковныя общины измѣряя не имѣютъ этого права. Этотъ пробѣлъ заполняется уставною грамотою (1150 г.), данною Смоленскимъ княземъ Ростиславомъ Мстиславичемъ по случаю учрежденія Смоленской епископіи. Грамотою дарованы: «Село Дросенское, со изгон и съ землею святѣй Богородицы и епископу, и село Ясенское, и съ бортникомъ, и съ землею святѣй Богородицы; и се есмы далъ землю въ Погончивочахъ» и пр.

Далѣе перечисляются сѣнокосы, озера и огороды, назначенные въ собственность церкви. Перечисливъ всѣ статьи доходовъ для смоленской церкви, Ростиславъ прибавляетъ: «азъ князь Ростиславъ, съ первымъ епископомъ своимъ Манойломъ, да се уставлю азъ. Ажъ «будетъ» и тяжа или «продажа епископля», да не надобѣ ни князю, ни посаднику, ни тивуну, ни «пному никому, отъ мала и до велика, по всей земли смоленской». Такимъ образомъ грамотою Ростислава никому не дано права вмѣшиваться въ управленіе церковными имуществами.

Кромѣ доходовъ съ имуществъ уставомъ св. Владиміра церкви предоставлены были доходы—пошлины съ торговыхъ мѣръ и вѣсовъ: «городскія и торговыя мѣрила и споду, извѣсы и пр. «искони поручено Богомъ святителемъ и епископомъ», при чемъ добавлено, что это порученіе они должны «блюсти безъ пакости» такъ

какъ объ этомъ, какъ и о душахъ человѣческихъ должны воздать слово въ день судный. Этотъ же законъ о предоставленіи въ пользу церкви пошлинъ съ мѣръ и вѣсовъ вызвалъ къ жизни новый институтъ—церковныхъ старость и, именно,—слѣдующимъ образомъ. Князь Всеволодъ построилъ въ Новгородѣ храмъ во имя св. Іоанна Предтечи, что на окопахъ. Прихожане новосозданнаго храма—«купечество Иванское» вели и обширную торговлю восомъ, который взвѣшивался на вѣсахъ въ особо устроенномъ при церкви помѣщеніи. За это взвѣшиваніе торговцы вносили извѣстную плату—«вѣсчю» пошлину въ пользу церкви. Кромѣ того купцы для торгова снимали себѣ мѣста на «дворищѣ» принадлежащимъ церкви, за что въ пользу послѣдней платили извѣстную сумму. Для собиранія пошлинъ нужны были люди, непрестанно наблюдающіе за мѣрою и вѣсомъ, люди опытные въ торговыхъ дѣлахъ для того, что бы улаживать нередко встрѣчающіяся недоразумѣнія чисто коммерческаго характера и такъ какъ духовенство въ этой области было мало свѣдущее, то и явилась необходимость приставить къ этому дѣлу особыхъ людей, которыхъ Всеволодъ и назвалъ старостами. «И азъ князь великій Всеволодъ», писалъ въ 1135 г. князь, «поставилъ семи святому Ивану три старосты отъ житыхъ людей, и отъ черныхъ тысяцкаго, и отъ купцовъ два старосты, управити имъ всякіе дѣла Иванская, и торговая, и гостинная, и судъ торговый». Обязанность старость состояла въ томъ, что они собирали куны, гривны, во еже «класти ихъ въ домъ св. Великаго Ивана»;—старосты старались о матеріальномъ обезпеченіи церкви. Въ другой грамотѣ, данной собору «св. Софїи» Всеволодъ опредѣляетъ и правовое положеніе этихъ старость, въ дѣлѣ веденія церковнаго хозяйства, къ церковной власти: «святѣй Софїи въ Новгородѣ, пишетъ Всеволодъ, судъ и мѣрила, якоже на торгу, а не вступатися въ тѣя оброки моимъ дѣтямъ, ни моимъ намѣстникомъ, ни моимъ бояромъ на домъ святѣй Софїи «Владыкамъ строити»... а «старостамъ» и торгошамъ, «докладывая Владыки», стронти домъ святаго Ивана». Отсюда слѣдуетъ, что распорядителями церковнаго имущества—строителями дома св. Іоанна должны быть епископы, старосты же были только органами его въ дѣлѣ управленія достояніемъ церкви и ничего не могли предпринять безъ доклада Владыкъ. Епископъ же и судилъ старость за злоупотребленія при мѣрѣ и вѣсахъ, самъ же, какъ попустившій это, повиненъ былъ только предъ однимъ Богомъ: «А епископу не управивъ тою, за все дати ему слово въ день великаго суда».

— Такимъ образомъ въ до-монгольскій періодъ церковно-гражданскія узаконенія заключаютъ въ себѣ слѣдующее: 1) Юридическимъ лицомъ или субъектомъ пра-

ва по отношенію къ церковнымъ имуществамъ является идея церкви, какъ учрежденія Божественнаго, видимымъ выраженіемъ котораго служитъ храмъ; 2) имущества, принадлежащія церкви, должны быть неприкосновенны, какъ для власти гражданской, такъ и для всѣхъ мірянъ; и 3) управленіе церковнымъ имуществомъ—право одного только епископа, но для сбора и увеличенія этого имущества назначаются выборные изъ мірянъ—старосты, которые въ церковномъ хозяйствѣ ничѣмъ не могутъ распорядиться безъ согласія епископа.

Въ до-монгольскій періодъ жизнь новонасажденной въ языческой странѣ православной церкви шла тихимъ и мирнымъ путемъ. Русскіе князья-ревнители вѣры и благочестія строили храмы, заботились объ ихъ имущественномъ обезпеченіи и рядомъ уставовъ и уставныхъ грамотъ крѣпко ограждали отъ какихъ бы то ни было попятнозвеній на церковно-гражданскія права св. церкви. Мало просвѣщенное, еще въ общей массѣ полуязыческое населеніе оставалось инертнымъ и совѣтъ не вникало въ церковныя дѣла. Въ этотъ періодъ спокойнаго развитія имущества церковныя значительно увеличились; управлялись онѣ на основаніи церковно-гражданскихъ правъ митрополитами и епископами и не подвергались какому либо покушенію со стороны мірянъ. Такъ церковное дѣло и шло безъ всякихъ ненормальностей до дня великаго испытанія народа русскаго-нашествія монголовъ.

Русь, раздираемая междоусобицами князей между собою, не могла въ силу своей разрозненности дать дружнаго отпора появившемуся изъ таинственныхъ нѣдръ великой Азіи врагу, тѣсно сплоченному единствомъ цѣли и власти-монголамъ. Русь, разбитая по частямъ, залитая кровью своихъ дѣтей, дымомъ отъсжигаемыхъ свирѣпымъ врагомъ городовъ и селъ ясно свидѣтельствовала предъ Богомъ о тяжести грѣха-междоусобицы. Все было разорено, страна опустѣла, оставшіеся жители, точно дикіе звѣри, въ ужасѣ разбѣжались по всѣмъ сторонамъ. Тяжкое дѣло спаиванія разбитыхъ звѣнцевъ государства въ одно могучее цѣлое выпало на долю православной церкви. Много тяжкихъ трудовъ и невзгодъ для св. вѣры лежало на пути къ этой великой цѣли; но за то и ея почти сверхчеловѣческой трудъ увѣнчался полнымъ успѣхомъ: возстановились города и села, воскресли изъ пепла храмы Божіи, разлилось повсюду просвѣщеніе въ духъ Христовой церкви и единая вѣра православная спаяла крѣпче всякаго цемента разрозненныя политическія единицы въ одно цѣлое, вдохнула въ нихъ душу живу и въ дальнѣйшемъ увѣнчала крестомъ грандіознѣйшее зданіе могущественной Россійской Имперіи.

Благотворному вліянію православной вѣры на собираніе во едино разоренной страны много помогли и сами побѣдители-монголы. Въ покоренной странѣ, политическое

могущество которой сведено было къ нулю, завоеватели имѣли право стереть господствующую религію съ лица земли и насадить, хотя бы и силою, свои собственные религіозные взгляды, свой культъ, взамѣнъ этого монголы не только не коснулись религіозныхъ убѣжденій русскаго народа, а напротивъ своими ярлыками еще болѣе закрѣпили церковно-гражданскія, въ томъ числѣ и имущественныя права, дарованныя уставами и уставными грамотами князей православной церкви. Ханскіе ярлыки послѣдняго рода начались съ 1267 года, когда Менгу-Теміръ первый изъ ордынскихъ хановъ подтвердилъ права, какими пользовалась вся церковь въ періодъ до-монгольской. Всѣ ярлыки, опредѣляющіе имущественныя права церкви, отличаются крайнимъ однообразіемъ, такъ что напр. ярлыкъ хана Узбека, данный митрополиту Петру, почти съ буквальной точностью повторяется послѣдующими ханами и ханшами. Какъ характерный въ смыслѣ отношенія хановъ къ церкви этотъ ярлыкъ приводимъ въ полномъ видѣ: «Да никто же обидитъ на Руси соборную церковь митрополита Петра, и его людей и церковныхъ его; да никто же вѣмаетъ ни стяжаній, ни селеній, ни людей..; да не вступаются въ церковное и митрополиче никто-же занеже то Божіе все суть; а кто вступится, а нашъ ярлыкъ и наше слово преслушаетъ, тотъ есть Богу повиненъ, и гнѣвъ на себя отъ него приметъ. а отъ насъ казнь ему будетъ смертная..; а намъ въ то не вступатися ни во что же дѣлать нашимъ, княземъ нашего царства ни всѣхъ нашихъ странъ и всѣхъ нашихъ улусовъ, да не вступаются никто же ничѣмъ, въ церковныя и въ митрополичи, ни въ волости ихъ..; да не будетъ ничто же порушено, да пребываетъ митрополитъ въ тихомъ кроткомъ житіи безъ всякія гонки... И мы бо тако же управляемъ и жалуемъ, якоже и прежніе цари ярлыки имъ давали и жаловали... да всѣ будутъ цѣлы соборныя церкви митрополичи, ни кѣмъ ни отъ кого не изобижены вся его люди: архимандриты, и игумены, и попы и всѣ причты церковныя, ничѣмъ никто да не будетъ изобиженъ».

Во всѣхъ ярлыкахъ, взятыхъ вмѣстѣ, понятіе неприкосновенности относится къ тѣмъ изъ церковныхъ имуществъ, которые извѣстны подъ именемъ вещей священныхъ-или того, какъ выражались татары «что чему Бога молятъ». Сюда относятся храмы, книги цер., иконы и вся церковная утварь. «А въ церковныхъ домахъ ни стати никому, ни рушати ихъ, приказывалъ ханъ Аю-лякъ, а кто ея станетъ ставити и тотъ отъ насъ «не животному казню казненъ будетъ». Кромѣ священныхъ вещей правомъ неприкосновенности пользовались и всѣ стяжанія церковныя; за нарушеніе этого права грозила смертная казнь. «Что церковныя земли, воды, огороды, виноградъ, логовица «да не знаютъ ихъ», да не всту-

наются въ церковное и митрополичье..., а кто вступится, тотъ есть Богу повиненъ, а отъ насъ казнь ему будетъ смертная». Во всѣхъ ярлыкахъ ясно и опредѣленно проводится та мысль, что неприкосновенность церковныхъ имуществъ обуславливается ихъ религіознымъ назначеніемъ-посвященіемъ ихъ Самому Богу—«занеже то Божіе все суть». За тѣмъ уже ханы мотивируютъ свои распоряженія авторитетомъ старины. «Мы тако же управляемъ и жалуемъ, писалъ о церковныхъ имуществѣхъ Узбекъ, якоже и «прежніе цари жаловали и какъ у нихъ изстари ведется: да не вступается никто же ни чѣмъ; въ церковныя и въ митрополичы, ни въ волости ихъ, ни въ села ихъ». Наконецъ, церковныя имущества были неприкосновенны и потому, что «митрополитъ знаетъ и управляетъ вся стяжанія и имѣнія ихъ церковныя», причѣмъ за это дѣло никому не даетъ отчета, такъ какъ за свое управленіе достояніемъ церкви отвѣчаетъ только предъ Богомъ. Поэтому ханы въ своихъ ярлыкахъ и дѣлали обращеніе къ митрополиту «а не имѣшь того смотрѣти» ты самъ вѣдаешь, каковъ «отвѣтъ Богу за то воздаты, и тотъ грѣхъ на тебѣ, а мы о томъ ничтоже не имѣемъ». Вообще покровительство хановъ русской церкви выразилось не въ расширеніи имущественныхъ правъ ея и не въ дарованіи новыхъ правъ; а въ признаніи нормъ греко-римскаго законодательства о владѣніи и управленіи церковными имуществами которыя были примѣняемы на Руси до нашествія монголовъ.

Что касается русскаго общества, то оно и не думало во время владычества татаръ, предъявлять какія либо притязанія на управленіе церковными имуществами. Тяжкіе удары, нанесенные татарами Россіи, усилили только благочестіе и благоговѣніе предъ всѣмъ церковнымъ населеніемъ ея, всегда и прежде отличавшагося особою религіозностью, особымъ расположеніемъ ко всему церковному. Св. Русь, во время тяжкаго татарскаго ига, даже въ лицѣ своихъ князей не дерзала предъявлять какія либо домогательства на стяжанія церковныя; князья наоборотъ являлись усерднѣйшими защитниками церковныхъ правъ, что они и выражали въ такъ называемыхъ жалованныхъ грамотахъ.

Обычай дарованія жалованныхъ грамотъ соборнымъ и приходскимъ церквамъ, а такъ же и монастырямъ, получилъ свое начало задолго до нашествія монголовъ, въ 15 же вѣкѣ достигаетъ своего наивысшаго развитія и продолжается до XVIII вѣка, когда отмѣчено самое малое количество ихъ. Отличіе княжескихъ грамотъ отъ ханскихъ ярлыковъ въ томъ, что послѣдніе ограждаютъ интересы и подтверждаютъ права всей русской церкви, княжескія же имѣютъ въ виду только тѣ церковныя учрежденія, которымъ онѣ дарованы взятыя грамоты выражаютъ государственное признаніе имущественныхъ правъ

всей русской церкви. Вообще въ московскій періодъ нашей исторіи законодательная дѣятельность государственной власти по отношенію къ церкви ограничивается только дарованіемъ грамотъ преимущественно хозяйственнаго характера на имя частныхъ церковныхъ учреждений. Въ грамотахъ своихъ князья и цари московскіе то дарятъ церкви новыя имущества, то ограждаютъ неприкосновенность уже принадлежащихъ ей, то, наконецъ, грамотою подтверждаютъ право владѣнія извѣстнымъ церковнымъ учрежденіемъ спорнымъ имуществомъ. Дарственные, въ пользу имущественныхъ интересовъ церкви, грамоты обыкновенно такого содержанія: прежде всего означаетъ имя князя или царя, жалующаго что либо въ церковь: «Язь князь Великій Иванъ Василіевичъ»; за тѣмъ слѣдуетъ наименованіе церковнаго учрежденія, которому назначается даръ: «придалъ есмь святѣй Богородицѣ на Солодишѣ» или «пожаловалъ есми... Борисоглѣбскихъ поповъ.. и весь соборъ Борисоглѣбскій». Потомъ указывается цѣль пожалованія: «Далъ есми... по своему братѣ по князю по Юрію «въ поминовеніе»..., причѣмъ строго воспрещается кому бы то ни было, кромѣ указанныхъ лицъ, вмѣшиваться въ даруемое имущество: «а не вступается у нихъ въ то село никто»..., «а кто избидитъ домъ св. Богородицы, или князь или кто иной, тотъ даетъ отвѣтъ святой госпожѣ Богородицы». Жалованныя грамоты для подтвержденія правъ владѣнія тѣми имуществами, которыя составляли уже собственность церкви, давались обычно, при вступленіи на престолъ новаго князя или царя.

Въ случаяхъ же, когда имущество, принадлежащее какому либо церковному учрежденію, подвергалось сомнѣнію или спору, правительство въ подтвержденіе правъ церковнаго учрежденія на спорное имущество выдавало обыкновенно «правыя грамоты», сохранившіяся при церквахъ, и служившія вѣрнѣйшимъ доказательствомъ права владѣнія. Грамотъ этого рода много.

Для опредѣленія и удостовѣренія границъ церковныхъ земельныхъ владѣній служили «писцовыя книги»-то же что нынѣшніе межевые планы, употребленіе которыхъ, въ юридическомъ смыслѣ, было то же, что и межевыхъ плановъ въ настоящее время.

Наконецъ, имѣли полную силу предъ закономъ и слѣдующіе документы: «данныя и вкладныя»—въ случаѣ даренія въ церковь имущества частными лицами, «духовныя завѣщанія»—въ случаѣ отказа, «купчія»—въ случаяхъ покупки, «мѣновыя» въ случаяхъ мѣны и, наконецъ «закладныя»—въ случаяхъ залога. Общая мысль всѣхъ этихъ документовъ та, что имущества подаренныя, завѣщанныя, купленные и пр. составляютъ собственность тѣхъ церковныхъ учреждений, во владѣніе которыхъ онѣ назначены и кромѣ того право владѣнія

этим имуществом трактуется, какъ право неприкосновенности: «А кто ея имѣтъ о сей земли бранити, судъ ми съ нимъ предъ Богомъ», или: «А въ тотъ мой дворъ женѣ моей, и дѣтемъ моимъ и братьѣ и моему роду и племени не вступатца»

Изъ грамотъ этого періода, данныхъ на имя митрополитовъ, о слѣдовательно всей русской церкви, нужно отмѣтить двѣ церковно-уставныхъ грамоты: 1) грамоту великаго князя Московскаго Василія Дмитріевича и 2) грамоту Кіевскаго князя Александра Владиміровича. Въ первой грамотѣ (1401 г.) о церковныхъ имуществахъ опредѣлено: Право управленія церковными имуществами утверждается за митрополитомъ.

Право суда надъ церковными крестьянами и право пользованія судными пошлинами, бѣлками и рѣзанками, равно и общее управленіе селами церковнаго вѣдомства принадлежатъ исключительно церковной власти. Мірянамъ же не только запрещается мѣшаться въ управленіе церковными имѣніями, но и покупать ихъ: бояринъ или слуга, купившій церковное имѣніе, долженъ отказаться отъ купленнаго и взять обратно свои деньги.

Въ грамотѣ князя Александра Владиміровича говорится, что онъ, князь, съ своими панами и со всею полною своею радю «придалъ по старому все къ церкви Божіей и господину и отцу своему Сидору, митрополиту кіевскому и всея Руси», все то, что «издавна прислужало митрополиту какъ изъ многихъ лѣтъ было... при Фотіѣ митрополитѣ .. и великихъ князяхъ», а именно онъ утвердилъ за церковью право владѣнія «селами и волостями, съ данями и со всѣми доходами», и все то держитъ и отправляетъ митрополитъ Сидоръ... или кому прикажетъ своему намѣстнику, какъ держали изъ старины первые митрополиты..., и его намѣстнику, по его (митрополита) приказу и по сему нашему листу, держати и отправляти т. е. все церковное... твердо и неподвижно, никѣмъ нерушимо... А кто будетъ сей нашъ листъ рушити, князи наши, или паны, или воеводы, или кто отъ слугъ нашихъ, приволеніемъ нашимъ будетъ его казню казнити великою».

Итакъ, русскимъ церковно-гражданскимъ законодательствомъ съ 13 по 16 в. включительно утверждались права неприкосновенности церковныхъ имуществъ и неотъемлемость отъ церковной власти правъ управленія ими. Ханы въ своихъ ярлыкахъ, князья и цари въ грамотахъ, признавая владѣльцемъ церковныхъ имуществъ общецерковную цѣль, видимымъ выраженіемъ которой былъ храмъ (Спасъ, Богородица, Св. Великій Иванъ и пр.), грозили строжайшимъ наказаніемъ тому, кто осмѣлился бы посягнуть на неприкосновенность этихъ имуществъ и—право церковной власти на управленіе ими. Требования эти не оставались пустой теоріей, а дѣйтель-

но проводились въ жизнь. Разнообразные документы какъ то: «купчія, данныя, вкладныя», которыми въ той или иной формѣ передавались имущества въ распоряженіе церкви, неопровержимо свидѣлствуютъ о примѣненіи на практикѣ того или другого. А такъ какъ въ этихъ документахъ владѣльцами и управителями достояніемъ церковнымъ признаются тѣже лица, которыя указаны и въ церковно-гражданскихъ законахъ и запрещается «вступатца» въ распоряженіе этими имуществами «всему роду и племени», то необходимо заключить, что въ означенное время церковныя имущества состояли въ вѣдѣніи одной только духовной власти и пользовались правами полной неприкосновенности.

Нисшее распорядительство церковными имуществами поручалась, по волѣ епископовъ, клирикамъ, монахамъ и нѣкоторымъ изъ мірянъ. Обыкновенно лица, поставленыя во главѣ какого либо церковнаго учрежденія, вмѣстѣ съ этимъ получали отъ епископа и полномочія на распоряженіе имуществомъ, принадлежащимъ ему.

Въ соборныхъ и приходскихъ церквяхъ имуществомъ завѣдывали причты этихъ церквей, т. е. священники и діаконы, при пособіи церковныхъ старостъ, выбиравшихся изъ мірянъ для заботы объ увеличеніи церковныхъ имуществъ. Монастырскимъ имуществомъ распоряжалось монастырское начальство, назначенное на то епископомъ: строители игумены или архимандриты; а въ женскихъ монастыряхъ—строительницы—игуменіи. Вмѣстѣ съ строителемъ участіе въ монастырскомъ хозяйствѣ принимали «казначей», завѣдывавшій монастырской казною, «келарь», исполнявшій разныя порученія по хозяйственнымъ дѣламъ, и «монастырскій соборъ», который ограничивалъ и власть игумена; для ходатайства по монастырскимъ дѣламъ назначался «стряпчій», кромѣ того отпискою по веденію монастырскаго хозяйства занимался «дьякъ». Распоряженіе имуществомъ епископскихъ домовъ поручалось епископами «дворецкимъ», а также, «казначаемъ».

Изъ мірянъ кромѣ старостъ при приходскихъ церквяхъ назначались для завѣдыванія церковными вотчинами «посельскіе заказники»—прикащики настоящаго времени у частныхъ лицъ, въ подчиненіи у «посельскихъ» состояли «доводчики», «надѣльники», «бирючи» и др.

Міряне, получавшіе полномочія по веденію церковно-имущественнаго дѣла, такимъ образомъ, являлись только органами правящей церковной власти, чрезъ которые власть проводила свои распоряженія въ жизнь, а не посѣтителями этой власти. Ни причты и старосты ни монастырскіе соборы и игумены, ни архіерейскіе казначеи и дворецкіе, по силѣ дѣйствующихъ канонівъ и церковно-гражданскихъ законоположеній, не могли по своей волѣ распоряжаться находящеюся въ ихъ завѣдываніи

ваши собственностью церквей, монастырей и епископских домов: они подчинялись власти епископа, исполняли его распоряжения по церковному хозяйству, давали отчетъ въ исполненіи его распоряженій, и, наконецъ, въ злоупотребленіи при исполненіи своихъ обязанностей и въ нѣкоторыхъ гражданскихъ дѣлахъ подлежали суду того же епископа. Епископъ же съ своей стороны слѣдилъ, чтобы церковныя имущества расходовались сообразно ихъ вѣчной цѣли, дѣлалъ расчисленіе сборовъ и повинностей съ этихъ имуществъ и имѣлъ при этомъ право, по своему усмотрѣнію, одни церкви совсѣмъ освобождать отъ платежей, а на другія налагать большіе оклады. Каждый епископъ былъ, такимъ образомъ, полновластнымъ правителемъ церковныхъ имуществъ въ своей епархіи, митрополитъ же (въ 17 в. патриархъ) слѣдилъ только за правильностію хода управленія церковными имуществами всей русской церкви, при чемъ какъ у того, такъ и у другого распоряженія по церковному хозяйству выполняли и міряне. На большія права въ этомъ дѣлѣ тогдашнее общество и не претендовало.

Что касается взгляда самой русской церкви на владѣніе и управленіе церковными имуществами, то таковой твердо и опредѣленно былъ высказанъ въ постановленіи Московскаго Всероссийскаго Церковнаго Собора. Обстоятельства вызвавшія опредѣленія собора слѣдующія. Іоаннъ III, великій князь Московскій, съ благословенія митрополита Симона, вздумалъ подарить своимъ боярамъ нѣсколько церковныхъ имѣній. Но шагъ этотъ для него самого, такъ и для духовенства имѣлъ такое важное значеніе, что безъ соборнаго опредѣленія церкви приступить къ выполненію представлялось дѣломъ невозможнымъ. Для рѣшенія вопроса, въ 1503 году, въ Москвѣ, подъ предсѣдательствомъ, сочувствующаго князю, м. Симона, и открылъ свои дѣйствія Соборъ. «Соборное постановленіе о церковныхъ имуществѣхъ и объ ихъ управленіи сформулировано слѣдующимъ образомъ: «Отецъ твой, Господине,—передано отъ имени всего собора князю,—Симонъ, митрополитъ всея Россіи, и архіепископы и епископы и весь священный соборъ доносятъ, что отъ перваго Благочестиваго... и Равноапостольнаго царя Константина, и Благочестивыхъ... матери его Елены, да и по нихъ, при Благочестивыхъ царѣхъ, царствующихъ въ Константиноградѣ, и по всей вселенной святители и монастыри, грады и села волости держали, и на всѣхъ соборѣхъ святыхъ Отецъ не запрещено святителемъ и монастыремъ земли держати и всѣми божественными соборы, вселенскими и помѣстными, не велѣно святителемъ и монастыремъ церковныхъ стяжаній недвижимыхъ ни продати, ни отдати; и великими страшными клятвами о томъ утверждено и запечатлѣно непоколеблемо и нерушимо быти, во вѣки вѣковъ. Также, Государь, и въ

нашихъ Россійскихъ странахъ, при твоихъ прародителяхъ, великихъ князѣхъ, при В. кн. Владимірѣ и при сынѣ его Ярославѣ, да и по нихъ при В. кн. Андрѣ Боголюбскомъ и при братѣ его В. кн. Всеволодѣ, при В. кн. Іоаннѣ, внуцѣ блаженнаго Александра, иже бысть въ лѣта св. великаго Чудотворца Петрѣ, митрополита всея Россіи, даже и до нынѣ, святители и монастыри, грады и волости и села имѣли, и суды и управленія и оброки и дани церковныя держали по Божественнымъ велѣніямъ и установленіямъ, и по правиламъ св. Апостолъ и св. Отецъ, и св. Равноапостольныхъ... Константина и Елены, и по твоихъ прародителейъ, Равноапостольнымъ... В. кн. Владимірѣ, и сынѣ его, В. кн. Ярославѣ, установленію и утвержденію, яко же тамо въ ихъ установленіи подлинно писано есть и запрещено, глаголетъ бо: «аще кто преступитъ правила сія яко же есми управили по апостольскимъ и отеческимъ правиломъ и по первыхъ благочестивыхъ царей управленіямъ, а кто дерзнетъ преступити правила сія, или дѣти или внуцы, или правнуцы, или кто по нихъ отъ рода моего, или отъ бояръ, или въ градѣхъ намѣстники и воеводы, и тіуны и судіи, или кто ни буди, аще имуть обидѣти, или вступитися во что церковное, или въ суды и управленія, и въ пошлыны, и въ десятины церковныя святительскія, или отымати насильствомъ, да будутъ прокляты въ сей вѣкъ и въ будущій».

Постановленіе собора положило конецъ притязаніямъ Іоанна III на самовольное распоряженіе церковными имуществами и онъ съ своей стороны сдѣлался защитникомъ права неприкосновенности этихъ имуществъ.

— Съ Императора Петра I въ управленіи русской церкви начинается новый-послѣдній періодъ, такъ называемый синодальный. Патриаршество, стоявшее во главѣ всей церкви, было уничтожено, взамѣнъ его учреждено «духовное соборное правительство» или свят. синодъ. Кругъ дѣйствій его опредѣленъ Петромъ I-мъ въ извѣстномъ регламентѣ, который представляетъ изъ себя сводъ церковно-гражданскихъ законоположеній по управленію церкви вообще и въ частности по управленію имуществами ея. По регламенту на всю русскую церковь простирается власть „духовнаго коллегіума; всѣ же права по управленію епархіей возложены на епископскую власть, причемъ эти два учрежденія имѣютъ всю полноту власти и на управленіе церковными имуществами. Что же касается мірянъ, то они совершенно отстраняются отъ управленія достояніемъ церкви, такъ какъ они, мотивируется въ регламентѣ, называются и „мірянами“ „по елику не суть управители и служители“ въ церкви, но „слышатели и ученицы“. Относительно имуществъ частныхъ церквей и монастырей въ Регламентѣ сказано, что онѣ не оскудѣютъ, „только бы было доброе и вѣр-

ное у оныхъ домостройство. И по вся годы епископу давали бы вѣдѣніе, кое число всякаго хлѣба собралось, а епископъ бы насматривалъ, гдѣ оный хлѣбъ подевается; о всѣхъ же имуществѣхъ русской церкви „должно Коллегіумъ разсмотрѣть, кто и какъ владѣтъ землями церковными, и куды на что хлѣбъ и прибыли, аще кія суть денежные, издерживаются“. На основаніи этихъ положеній регламента, св. Синодъ, отъ 14 декабря 1721 года, представилъ на усмотрѣніе Его Величества: „Патріарши, архіерейскія и монастырскія вотчины, сборами и правленіемъ которыя вѣдомы были въ монастырскомъ приказѣ, «въ одной духовной коллегіи вѣдать ли, того ради, что... въ духовномъ регламентѣ положено, что такое правленіе надлежать будетъ до духовной коллегіи?». «Быть по сему» наложилъ резолюцію императоръ и съ этого времени высшая власть по управленію церковными имуществами сосредоточена была въ св. Синодѣ, и ведется такъ чрезъ епархіальныхъ архіереевъ и до сихъ поръ. Органомъ, при помощи котораго епископомъ производится управленіе и духовный судъ въ помѣстномъ предѣлѣ православной россійской церкви-епархіи, служитъ консисторія. Чрезъ консисторію же идутъ и все распоряженія епископа, касающіяся управленія церковными имуществами и отдѣльнымъ церквамъ епархіи.

По Высочайше утвержденному 27 марта 1841 года, уставу духовныхъ консисторій, — «все имущество церквей, состоитъ ли оно въ недвижимомъ имѣніи вообще или въ капиталахъ, должно быть подробно извѣстно епархіальному начальству, дѣйствующему въ надзорѣ за онымъ чрезъ благочинныхъ или другихъ довѣренныхъ лицъ» (ст. 141). «О всякомъ пожертвованіи въ пользу церкви, составляющемъ не менѣе ста рублей, причетъ къ церковнымъ старостою доносить епархіальному начальству, которое о всѣхъ подобныхъ на церкви пожертвованіяхъ въ епархіи доносить свѣтѣйшему Синоду». (Ст. 142). По указамъ св. Синода (отъ 16 сент. и 7 окт. 1877 г. и 23 нояб. 1865 г.) причта и старосты церквей, безъ разрѣшенія епископа, изъ церковныхъ суммъ тратить болѣе строго опредѣленной нормы не имѣютъ права. О похищеніяхъ въ церкви доносится немедленно епископу, а сей послѣдній, о похищеніяхъ цѣнностію не выше 100 рублей, доносить, при годовыхъ отчетахъ св. Синоду; о важнѣйшихъ же похищеніяхъ доносить Синоду внѣ срока. (Ук. св. Синода 1865 г., дек. 18). Отдача церковныхъ недвижимыхъ имѣній или вообще оброчныхъ статей въ аренду или въ залогъ производится при участіи духовной консисторіи (ст. 132). при случаяхъ завѣщанія, продажи или уступки монастырямъ недвижимыхъ имѣній производится также «дѣло» въ консисторіи и совершается по представленію епархіальныхъ епископовъ въ св. Синодѣ, по изпрошеніи на то высочайшаго соиз-

воленія. Такимъ же порядкомъ ведется и укрѣпленіе благопріобрѣтенныхъ недвижимыхъ имуществъ за церквами (т. х. ч. 1 ст. 984). Управленіе имуществами архіерейскихъ домовъ ведется экономомъ, который назначается увольняется отъ должности Преосвященнымъ. (Ст. 110). По монастырямъ, состоящимъ въ епархіальномъ вѣдомствѣ, непосредственное управленіе экономіею ввѣряется настоятелямъ и настоятельницамъ съ совѣтомъ старшей братіи. Надзоръ же за такимъ управленіемъ принадлежитъ епархіальному началству, и потомъ сосредоточивается въ консисторіи (ст. 124). На основаніи 246 ст. уст. гр. суд. и многихъ указовъ св. Синода-непосредственнымъ блюстителемъ имущества каждой приходской церкви долженъ быть приходскій причтъ и, главнымъ образомъ, настоятель церкви. Это же имущество имѣетъ у себя и другаго блюстителя церковнаго старосту. Съ первой половины 12 в. до Петра Великаго старость выбиралось къ каждой церкви по нѣсколько чело-вѣкъ и на всѣхъ на нихъ была возложена обязанность «стараться» объ матеріальномъ обезпеченіи церкви. Петръ Великій указомъ своимъ 28 февраля 1721 года повелѣлъ: «учинить отъ свѣтѣйшаго правительствующаго духовнаго Синода всенародное объявленіе, дабы при коей-ждо церкви единъ былъ для продажи свѣчъ приставникъ, понеже мнози бывають при церквахъ продающіи тыя, съ полученіемъ не церкви, но себѣ прибытка, который не иному кому, но церковному имѣнію приобщатися долженъ... И къ тому учредить церковныхъ старостъ, вѣроятія достойныхъ, съ обыкновенными всѣхъ приходскихъ людей письменно заручными выборами». Такимъ образомъ указомъ Петра отмѣняется прежде бывшій порядокъ выбора въ старосты нѣсколькихъ лицъ и назначается «однякъ», функціи котораго состоятъ только въ продажѣ свѣчъ. Распоряженіемъ св. Синода 1723 г. 1747 года кругъ обязанностей его нѣсколько расширился, именно: на него возложено: «сборъ при священно-служеніи добротнаго подаянія, покупка церковныхъ потребностей, записываніе прихода и расхода, и присвоено имъ участіе въ храненіи церковной суммы, которую велѣно имѣть за ихъ и священно-служителей печатями». «На основаніи постановленій сихъ» св. Синодомъ составлена была «Инструкція церковнымъ старостамъ» въ которой были изложены вмѣстѣ съ обязанностями и ихъ привилегіи и льготы и которая 17 апр. 1808 г. утверждена высочайшею властію. Инструкція была исправлена св. Синодомъ и дополнена 12 іюня 1809 года удостоилась высочайшаго утвержденія Обязанности церковнаго старосты по отношенію къ церковному имуществу изложены въ ней въ §§ 22 и 34., при чемъ самостоятельнаго дѣйствованія въ распоряженіи церковными суммами ему, безъ согласія причта, ему не предоставлено. Вообще

дѣйствія его по отношенію къ церковному имуществу не должны выходить изъ тѣхъ рамокъ, которыя очерчены 99 ст. устава дух. консисторій: «Въ каждой приходской церкви прихожане избираютъ изъ среды себя челоѣка благочестивой жизни и честныхъ правилъ въ церковные старосты, для попеченія объ имуществѣ и обо всемъ хозяйствѣ церкви». Для попеченія же объ имущественномъ обеспеченіи церквей, причтовъ и для развитія благотворительности въ церковной общинѣ, въ 1864 году учреждены приходскія попечительства». Подъ вліяніемъ либеральныхъ тенденцій того времени, «Попечительства» съ первыхъ же дней своего существованія изъяснили до того серьезныя притязанія на право распоряженія церковнымъ имуществомъ, что въ 1868 году св. Синодъ нашелся вынужденнымъ чрезъ епархіальныхъ преосвященныхъ поставить на видъ попечительствамъ незаконность ихъ притязаній ибо „никто да не присвоитъ церковнаго достоянія“ (Ѳеод. Алекс. пр. 11) говоритъ каноническое правило и что цѣль попечительства воспомаганіе св. церкви, а не воспрещенное канонами посягательство на достояніе ея.

Расходъ денежныхъ церковныхъ доходовъ строго опредѣлены высшею церковною властью. Доходы, получаемые отъ продажи церковныхъ свѣчъ, вѣнчиковъ и разрѣшительныхъ молитвъ имѣютъ свое спеціальное назначеніе. Именно по Высоч. утв. 28 авг. 1808 г. докл. ком. дух. учил. и мнѣнію Госуд. Совѣта Высоч. утвер. 26 апр. 1837 г., Высоч. утв. опр. св. Синода 21 дек. 1870 г., по циркуляру товарища Министра Финансовъ отъ 8 марта 1878 года, опубл. св. Синодомъ 24 янв.— 20 фев. 1879 г. и по 147 ст. Уст. дух. консисторій эти доходы назначены на содержаніе духовно-учебныхъ заведеній.

Всѣ дѣйствія церквей, клоняціяся къ выполненію требованій благотворительности, нормированы законоположеніями церковно-гражданской власти.

Такимъ образомъ и въ Синодальный періодъ русской церкви, по дѣйствующимъ церковно-гражданскимъ законамъ, предоставлены мірянамъ нѣкоторыя права въ „завѣдываніи“ церковнымъ имуществомъ; на удовлетвореніе же притязаній на управленіе имъ нѣтъ и намека, ибо подобное не соответствовало бы понятію о церковномъ священноначаліи и понятію о церковномъ состояніи мірянина. Эти понятія составитель регламента выясняетъ слѣдующимъ образомъ: „почему міряне нарицаются міряне и въ чемъ отъ чина духовнаго имѣютъ разнство?“ Понеже подобало быть опредѣленнымъ ученія духовнаго служителемъ и управителемъ, яковѣ суть епископы и пресвитеры, того ради, по презнзществу нѣкоему, воспріяли они титулу духовнаго чина, а служенія ради безкровной жертвы нарицаются по презнзществу и священ-

ницы. И потому уже прочіе, которые «слышательіе и ученицы» оныхъ суть, нарицаются просто «міряне»... Все бо и священники и не священники суть міряне, то есть челоѣцы. «Но не священники нарицаются міряне просто, поэлику не суть управители и служители опредѣленные духовнаго ученія, но слышательіе». „Сіе“, прибавлено въ Регламентѣ“ „подобало предложить для того, что за невѣдніемъ сего многая и дѣлаются и сказуются дурости душепагубныя“. Думается, что на подобное заключеніе составителя регламента не мало повліялъ въ то время функционировавшій „монастырскій приказъ“, состоявшій изъ „свѣтскихъ чиновниковъ“ и вѣдавшій всѣми церковными имуществами, въ докладѣ о которыхъ Императору св. Синодъ пишетъ, что „отъ гражданскихъ правителей онѣ пришли въ скудость и пустоту“.

„Контроль“ надъ расходованіемъ церковныхъ имуществъ сначала принадлежалъ канцеляріи св. Синода. „Въ смыслѣ самостоятельнаго учрежденія, онъ существуетъ только съ 1833 года, а настоящій штатъ его утвержденъ въ 1867 году“).

Повторимъ же вкратцѣ все изложенное о церковныхъ имуществѣхъ и томъ, кому принадлежитъ право владѣнія и управленія ими. Означенныя имущества, какъ плодъ любви челоѣка къ Богу, употребляемыя на нужды храмовъ, богослуженія, содержаніе духовенства и на удовлетвореніе требованій высшей благотворительности, являются тѣми земными средствами, при помощи которыхъ воинствующая церковь стремится выполнить свое идеальное предназначеніе—прославленіе имени Божія. Въ ветхозавѣтной еврейской церкви имущества эти были заклѣтыми: ихъ невозможно было не купить и не продать. Въ христіанской церкви присвоено имъ названіе: „имѣнія Господня“, „стяжанія Господня“, „принадлежащее Богу“, поэтому и субъектомъ права, или юридическимъ лицомъ по отношенію къ этимъ имуществамъ, какъ Господнимъ и является та идеальная цѣль св. церкви, служить выполненію которой онѣ предназначены. Такъ какъ достиженіе этого идеала въ вѣчности, то и средства, при помощи которыхъ св. церковь стремится къ выполненію своей вѣчной цѣли, должны носить характеръ неизмѣнныи, или, по Юстиніану, должны быть „вѣчными, безсмертными“—„пока будетъ жить между людьми имя христіанъ“. Видимыми носителями этого идеала являются храмы, монастыри и прочія церковныя учрежденія, которыя по греко-римскимъ и русскимъ законамъ и должны быть собственниками церковныхъ имуществъ. Къ управленію этими имуществами призваны только тѣ лица, которымъ, благодатію всесвятаго Духа, дарована власть, чрезъ спасеніе душъ челоѣческихъ,

*) См. «Церковное Право»—лекціи заслуж. проф. прот. М. И. Горчакова. С-Пб. 1102, стр. 255.

созидать Тѣло Христово—мерковъ и тѣмъ выполнять вѣчную цѣль св. церкви—прославленіе имени Божія. Господомъ нашимъ Іисусомъ Христомъ и сошествіемъ Вседѣльнаго и Животворящаго Духа вся полнота власти къ созиданію Тѣла Христова—церкви дарована была св. апостоламъ, которѣе имѣя попеченіе о спасеніи душъ человѣческихъ и земнымъ достояніемъ управляли соответственно его идеальному назначенію. Послѣ святыхъ апостоловъ всю благодатную власть ихъ преемственно получили епископы—водительству которыхъ вѣрены Богомъ драгоценнѣйшія души человѣскія и вмѣстѣ съ тѣмъ они же получили и права безконтрольнаго („яко Богу назирающе“) управленія церковными имуществами,—въ созиданіе св. церкви Христовой—въ прославленіе Бога. Что эти права на управленіе церковнымъ достояніемъ присущи только епископской власти, подтверждено и церковными канонами, и церковно-гражданскими законами греко-римской имперіи, уставами и уставными грамотами русскихъ вел. князей, грамотами царей и всѣмъ позднѣйшимъ, до настоящихъ дней, церковно-гражданскимъ законодательствомъ Россійскаго Императорскаго Правительства. Даже въ многобѣдственное для Руси время владычества татаръ-язычниковъ, не только не было покушеній на умаленіе прерогативъ епископской власти, а, наоборотъ, ханы въ своихъ ярлыкахъ, подтверждая права епископовъ, земными и небесными карами грозили тому, кто сталъ бы домогаться умаленія изъ этого. Какъ св. апостолы, при жизни своей, имѣли право оказывать вспоможеніе бѣднымъ церквамъ, производя для этого сборы въ церквахъ болѣе обеспеченныхъ, точно также неотъемлемое право епископовъ, въ видахъ общей церковной пользы, употреблять средства состоятельныхъ церквей на оказаніе помощи бѣднѣйшимъ и даже болѣе этого: епископъ имѣетъ право бѣдныя церкви совсѣмъ освобождать отъ повинностей, распредѣляя таковыя на другія, обильныя средствами, церкви.

Такъ какъ канонами и церковно-гражданскими законами право на управленіе церковными имуществами трактуется какъ существенное свойство одной только власти епископа, то отсюда уже ясно, какое мѣсто въ отношеніи къ церковнымъ имуществамъ должны занять нисше распорядители—священно-церковно-служители и міряне.

Какъ тѣ, такъ и другіе, волею своего епископа, призываются къ участію въ «завѣдываніи» имуществами и являются, такимъ образомъ, «органами» правительственной церковной власти, чрезъ которые выполняются распоряженія ея по управленію достояніемъ церкви, а не носителями самой этой власти. Правовое положеніе этихъ «органовъ» можно сравнить съ положеніемъ дѣла-

телей въ виноградникѣ, о которыхъ Іисусъ Христосъ говоритъ въ извѣстной притчѣ своей: (Лук. XX. 9—16). Домовладыка отдалъ виноградъ дѣлателямъ, конечно, указавъ имъ при этомъ, что и какъ они должны сдѣлать «да отъ плода винограда дадутъ ему» и на время оставилъ ихъ безъ своего призора. Выполнять они, что имъ приказано,—получать награду отъ хозяина,—нѣтъ—въ той или иной формѣ взысканіе. Точно тоже и въ виноградѣ Христовомъ—въ церкви: домовладыка епископъ, остальные же имѣющіе то или иное отношеніе къ церковнымъ имуществамъ «суть дѣлатели», обязанные въ исполненіи распоряженій епископа давать ему строгій отчетъ...

Можетъ быть имѣющій состояться Всероссийскій церковный соборъ и найдетъ возможнымъ расширить полномочія священнослужителей и мірянъ въ дѣлѣ «завѣдыванія» церковными имуществами (но не внѣ воли епископа); правъ же по «управленію» церковными имуществами,—правъ свойственныхъ одной только епископской власти не дастъ никогда и никакихъ,—таковъ смыслъ и духъ всѣхъ церковныхъ каноновъ и церковно-гражданскихъ законоположеній по управленію церковнымъ достояніемъ со временъ святыхъ апостоловъ и до нашихъ дней.

При такомъ значеніи епископской власти въ дѣлѣ управленія церковными имуществами какимъ то грубымъ и рѣжущимъ ухо диссонансомъ звучать современныя требованія мірянъ о правахъ на распоряженіе тѣмъ достояніемъ, которое состоитъ въ вѣдѣніи и управленіи, какъ носителя высшей власти церковной, одного только епископа. Всѣ эти постановленія и приговоры приходскихъ общинъ объ отказѣ вносить опредѣленные церковно-гражданскою властію, на благо «всей православной церкви», повинности, представляются какимъ-то сплошнымъ недоразумѣніемъ. Да оно, по существу дѣла, недоразумѣніе и есть.

Православная, особенно сельская, паства съ церковными канонами мало знакома; о вопросѣ же кому принадлежитъ законное право въ церкви на управленіе ея имуществами и совсѣмъ не имѣетъ никакихъ представлений. Этимъ невѣдѣніемъ православнаго люда какъ нельзя лучше и воспользовались агенты освободительнаго движенія—тѣ люди, среди которыхъ, по Юстиніану, „изгибло имя христіанъ“, такъ какъ краеугольнымъ камнемъ ихъ политической платформы положено антихристово требованіе; „долой православіе—второй, по ихъ мнѣнію, историческій предрасудокъ русскаго народа“. Пропагаторы и выдвинули среди темнаго люда вопросъ объ отобраніи у церкви права распоряжаться ея суммами, имѣя въ виду, что этимъ они значительно и обезсилить своего могучаго противника—церковь, а потомъ, при слу-

чаѣ не преминуть, для достиженія своихъ цѣлей, никакого отношенія къ благу народа не имѣющихъ, и сами воспользоваться ея средствами Духовенство, особенно сельское, съ своей стороны въ массѣ оказалось не настолько подготовленнымъ, что бы дать надлежащій отпоръ нарождающемуся, враждебному св. церкви, движенію, такъ какъ оно само мало знакомо съ такимъ специальнымъ вопросомъ какъ церковно-каноническое ученіе объ управленіи церковными имуществами. Кромѣ того революціонному противо-церковному движенію оказали значительную помощь о.о. Балашовскаго сѣзда, экспроприровавшіе права высшей церковно-государственной власти своимъ извѣстнымъ постановленіемъ объ отдачѣ церковныхъ земель во владѣніе крестьянскихъ общинъ. Къ этому необходимо присоединить и не тактичныя дѣйствія бывшаго епархіальнаго сѣзда, а особенно его предсѣдателя о. протоіерея Махровскаго, который не счелъ нужнымъ съ надлежащею тщательностью рассмотреть вопросъ о вніе-сеніи повинностей и тѣмъ самымъ далъ поводъ выборнымъ отъ церковныхъ старостъ къ заключенію, что церковныхъ отчетовъ платить совсѣмъ не слѣдуетъ. Сей духъ и смыслъ сѣзда въ назиданіе сельскихъ священниковъ и ихъ православной паствы усиленно подчеркивается либеральными газетами и, странное дѣло, ни бывшіе о.о. депутаты, ни самъ о. предсѣдатель сѣзда не назовутъ сообщенія газетъ облыжными. Объ этомъ рѣчь будетъ особо.

Въ настоящее же время, пока зло не охватило всю помѣстную церковь, духовенству необходимо бороться съ нимъ тѣми же средствами, какія употребляло въ XV в. при подобныхъ же обстоятельствахъ духовенство Новгорода и Пскова, т. е. необходимо говорить проповѣди, вести собесѣдованія и при всякомъ случаѣ выяснять прихожанамъ, что стремленія ихъ къ захвату церковнаго достоянія, на основаніи каноническихъ и церковно-гражданскихъ законовъ преступленіе несравненно большее, чѣмъ насильственный захватъ частно-владѣльческихъ земель и имуществъ. Могущія при этомъ возникнуть недоразумѣнія-представлять на обсужденіе о.о. благочинныхъ, въ случаѣ же ихъ некомпетентности направлять на разсмотрѣніе епархіальной власти-епископа, который всегда полномоченъ законнымъ порядкомъ разрѣшать недоразумѣнія, такъ какъ всѣ правовыя дѣйствія его направлены къ созиданію тѣла Христова-церкви, и никогда-къ разрушенію Ею. Трудясь въ полной солидарности для упорядоченія обще-церковнаго дѣла съ носителемъ церковной власти—епископомъ и являясь, такимъ образомъ, не большими, по здоровымъ органамъ епархіальной власти, духовенство быстро разсѣетъ туманъ лукавыхъ революціонныхъ бредней. Богоносный же православный народъ пойметъ свою ошибку, искупитъ вину и, пока носитъ

имя христіанина, никогда не дерзнетъ протянуть руку на то, что достояніе Божіе, а не его.

Священникъ *Алексій Добросердовъ.*

Постъ-скриптумъ къ статьѣ: «Есть ли у мірянъ право на управленіе церковными имуществами?»

Въ первыхъ строкахъ указанной статьи представлень одинъ изъ мотивовъ, почему приходскія общества чрезъ своихъ выборныхъ людей-церковныхъ старостъ отказываются платить налоги, положенные съ церковей. Мотивъ новый, еще не встрѣчавшійся въ исторической жизни св. церкви, который заставляетъ серьезно задуматься всякаго православнаго человѣка, именно: «не желаютъ дѣлать взносовъ съ церковей, потому что средства эти идутъ на содержаніе духовно-учебныхъ заведеній, изъ которыхъ выходятъ «попы то больно плохіе-совсѣмъ безбожники». Если бы это говорили одни только простецы-крестьяне и тогда такой отзывъ долженъ отозваться тяжелой болью въ сердцѣ духовенства. Что же мы должны-чувствовать, когда это говорится въ одномъ изъ именитыхъ городовъ нашей епархіи, слѣдовательно, людьми въ интеллектуальномъ отношеніи стоящими очень высоко и не только говорится, а и свидѣтельствуется официально-путемъ? Фактъ не только прискорбный, но и чреватый неисчислимыми бѣдствіями для св. церкви. Скорбѣть въ этомъ случаѣ, конечно, слѣдуетъ; но еще болѣе необходимо каждому просмотрѣть собственное па-стырское дѣланіе, нѣтъ ли въ немъ какихъ либо инцидентовъ, стоящихъ въ причинной связи съ подобнымъ нареканіемъ на служителей алтаря Господня. Причины, къ сожалѣнію, есть и очень серьезнаго свойства. Духъ забвенія отеческихъ завѣтовъ,—духъ неглижированія своими обязанностями усиленно сталъ проникать и въ среду духовенства. Напрасно епархіальное начальство разсылаетъ циркуляры и указы,—растлѣвающее вліяніе среды дѣйствуетъ разрушающимъ образомъ и на религіозныя убѣжденія духовенства, особенно молодого, какъ болѣе неустойчиваго, еще не выработавшаго твердыхъ взглядовъ на свои обязанности и неопытнаго въ дѣлѣ па-стырскаго общенія съ своими прихожанами. Послѣдніе, подъ вліяніемъ всякаго рода «просвѣтительныхъ» тенденцій, относятся не только индифферентно, а, пожалуй, въ лицѣ считающихъ себя интеллигентами и совсѣмъ отрицательно ко всему религіозному. Этотъ духъ отрицанія въ теченіи полулѣтка, а особенно за послѣднія два года, при свободѣ печати, усиленно пропагандируется и среди сельскаго населенія: интеллигентъ «освобождаетъ» деревню отъ «предразсудковъ»—не думается, что бы на радость себѣ. Священство, соприкасаясь съ невѣрующими людьми, въ большинствѣ тонко и зло вышучивающими всякое проявленіе религіознаго чувства, по неосто-

рожности неопытности, естественно заражается тѣмъ же недугомъ, который, быстро развиваясь, приводитъ къ охлажденію религіозности, вслѣдствіе чего и священникъ дѣлается только требоисправителемъ, заботящимся болѣе всего о мамонтѣ. Иначе чѣмъ же объяснить слѣдующій случай, очевидцемъ котораго пришлось быть мнѣ самому. Когда, гдѣ и кто-значенія не имѣетъ; важенъ только характерный фактъ. Нѣсколько іереевъ сидѣли и мирно бесѣдовали за чаемъ. Разговоръ зашелъ о церковной службѣ. «Видный» іерей и спрашиваетъ бѣдноту: «какъ вы служите заказную обѣдню»? «Да, говоритъ, вечаера отслужимъ вечаерню и повечаеріе, на утро-заутреню съ каеизмами и канонамъ, какъ слѣдуетъ, а потомъ обѣдню». „Ну, и сколько же за это“. „Да только одинъ рубль“. „Что-о-о вы? Да мы ѣдемъ съ вечаера часовъ въ 5 утра, крикнешь сторожу: „звони къ заутреннѣ!“ двадцать минутъ заутреня, да полчаса обѣдня и за это не меньше пяти рублей“. Бѣднота только вздохнула,—изъ зависти ли, что ничего—недѣланіе такъ щедро оплачивается, или же скорбнымъ ей показалось такое небрежное отношеніе іерея къ святѣйшему изъ таинствъ, о чемъ—Богъ ее знаетъ. Нѣчто подобное встрѣчалось когда то, но только въ другомъ видѣ и не разъ. Посѣтивъ вечаеромъ знакомыхъ,—тамъ іерей, у котораго должна быть всенощная, спросишь: „у васъ, кажется, служба?“ „Пустяки: всенощную можно и дома вычитать“. Можетъ быть указанные случаи-преданье старины глухой,—дай то Богъ...

Въ небрежномъ отношеніи духовенства къ службѣ Божіей повинно много и само общество, особенно въ лицѣ тѣхъ представителей его, которые крестятся „что пуговицы чистятъ“. „Нельзя ли, батюшка, отслужить обѣдню, просить такой интеллигентъ, да только вы пожалуйста того... не очень разводите“. Было нѣсколько лѣтъ тому назадъ, пригласили священника напутствовать одного виднаго дѣятеля съ убѣжденіями тѣхъ господъ, которые на вопросъ о вѣроисповѣданіи горделиво отвѣчаютъ только по послѣдней модѣ: „числюсь православнымъ“, а дальше, конечно, само собой разумѣется: „религіозныхъ-де убѣждений-никакихъ“. Болящій тяжело страдаетъ: смертная тоска обуяла его. Священникъ за исповѣдью провелъ минутъ сорокъ и больной замѣтно успокоился кажется чего бы въ этомъ случаѣ предосудительнаго? Но продолжительная исповѣдь вызвала серьезныя претензіи со стороны именитыхъ родичей больного: „къ чему де такъ утомлять его, онъ, бѣдный, такъ тяжело страдаетъ... малѣйшее нервное напряженіе можетъ быть роковымъ для него“ и пр. въ томъ же родѣ. Объясненія пастыря не приводили ни къ чему: поступокъ его признавался очень нетактичнымъ. Могъ бы онъ быть таковымъ, если бы батюшка пришелъ къ больному, да за

исповѣдью просто спросилъ: „ну что, молъ, въ чемъ грѣшенъ?“ „Во всемъ“. „Прощаю и разрѣшаю“. Получай за это мзду свою и иди съ миромъ въ домъ свой, а то вздумалъ... Только быстрое выздоровленіе послѣ напутствованія больного уладило все, иначе дѣло могло бы кончиться конфликтомъ очень серьезнаго свойства. Къ сожалѣнію и среди крестьянъ найдется не мало такихъ, которые заразились барской небрежностью къ церковнымъ службамъ, тяготятся продолжительностью ихъ, вслѣдствіе чего и манкируютъ ими.

Какъ долженъ поступать въ такихъ случаяхъ священникъ? Отвѣтъ, конечно простъ и ясенъ: дѣлай, какъ долженъ дѣлать, а не раздумывай: что вотъ де, молъ, если не уважу,—не сдѣлаю по ихнему, они, пожалуй и совсѣмъ бросятъ въ церковь ходить,—отслужу разокъ какъ нибудь, а тамъ... А тамъ будутъ выпадать опять такіе же случаи и, естественно, появится привычка къ кое-каковскому отношенію къ своимъ обязанностямъ. Въ концѣ же концовъ и крестьянинъ и интеллигентъ—оба будутъ зубоскалить надъ этимъ и кричать вездѣ: вотъ де попы то какіе. Невольное,—ради угожденія неразумнымъ требованіямъ мірянъ, negliжированіе своими обязанностями даетъ поводъ прихожанамъ къ заключенію, что духовенство крайне индифферентно относится къ своему долгу.

Другая причина серьезнаго недовольства духовенствомъ коренится въ способѣ содержанія послѣдняго, какъ вполне зависящаго отъ, такъ называемыхъ, добродѣтельныхъ даяній прихожанъ. Чѣмъ численнѣе православный приходъ, тѣмъ даяній этихъ больше и жизнь священника обставляется всевозможнымъ комфортомъ. Что матеріальное обезпеченіе при присканіи мѣстъ духовенствомъ играетъ главную роль, въ этомъ легко убѣдиться на каждомъ шагѣ: стоитъ только вслушаться въ разговоры алчущихъ и жаждающихъ мѣстъ. Въ пріемной ли консисторіи, или епископа, да и въ частной бесѣдѣ то и дѣло слышно: «приходъ то больно плохой», «эхъ, вотъ бы приходецъ то получить»; «а сколько получить»? Весь интересъ сосредоточенъ только на «сколько». А каково положеніе прихода въ религіозно-правственномъ отношеніи, можетъ ли претендентъ, по своимъ интеллектуальнымъ силамъ, быть дѣйствительнымъ руководителемъ паствы—это игнорируется всѣми. Развѣ только иногда слышится вопросъ: «а что старообрядцы есть?», и это опять таки въ большинствѣ для опредѣленія приближительнаго количества: «сколько». Въ бѣдныхъ приходахъ трудиться нѣтъ ни у кого охоты, потому что, при мизерномъ обезпеченіи, приходится жить по пословицѣ: не всегда съ припасомъ, а больше съ квасомъ, а вѣрнѣе съ водой. Неравномѣрное обезпеченіе вызываетъ чувство зависти и недовольства своимъ положеніемъ, желаніе во

что бы то ни стало выбиться из него и занять болѣе обеспеченное мѣсто. Паства же отлично понимаетъ, въ чемъ дѣло и справедливо заключаетъ, что для батюшки интересы собственнаго кармана несравненно важнѣе заботы о спасеніи душъ человѣческихъ. Впрочемъ указанныя причины существовали и раньше, равно какъ и то, что среди духовенства, какъ и среди всякаго другаго сословія, встрѣчались и нечестные поклонники Бахуса и любители скоротать досугъ за зеленымъ столомъ—все это въ порядкѣ вещей. Общество протестовало и протестуетъ противъ этихъ пороковъ, епархіальное начальство строго наказываетъ виновныхъ; но открытаго обвиненія духовенства въ атеизмѣ, какъ это предъявляютъ въ послѣдніе дни, еще не было. Слѣдовательно, указанные недостатки не есть причина, а такъ сказать почва, на которой выросло грозное обвиненіе въ безбожіи. Совпаденіе означеннаго обвиненія съ освободительнымъ движеніемъ послѣднихъ двухъ лѣтъ, невольно заставляетъ предполагать и внутреннюю причинную связь этихъ двухъ явленій. Освободительное движеніе, какъ поставившее своею задачей устраненіе всѣхъ дефектовъ изъ жизненнаго обихода, первоначально широтою взглядовъ и высотою поставленныхъ задачъ,—съ показной стороны дѣйствительно обаятельное, привлекло къ себѣ симпатіи громадной части населенія. Остановить развитіе зла, дать ходъ всему прекрасному и совершенному и ввести во всеобщее пользованіе наивысшую сумму добра—что можетъ быть лучше этого? Духовенство, какъ и само имѣющее ближайшею задачей нравственное усовершенствованіе человѣчества и сочувственно относящееся ко всякимъ, на благо народа, гражданскимъ мѣропріятіямъ, въ нѣкоторой части своей сочувственно откликнулось на освободительное движеніе и рядомъ постановленій Рижскаго, Томскаго, Балашовскаго и др. сѣздовъ рѣзко подчеркнуло свою солидарность съ нимъ. Кромѣ этихъ официальныхъ проявленій сочувствія среди духовенства нашлось не мало и такихъ лицъ, которыя другими путями выражали свои симпатіи къ нему, что не могло укрыться отъ проницательнаго взора паствы. Симпатіи общества, а главное многомилліоннаго крестьянскаго населенія были на сторонѣ освободительнаго движенія до дня дарованія самодержавною властію извѣстныхъ свободъ. Освободители восторжествовали: «ура, наша взяла», сдержанность, маскировка высшими идеалами исчезли безъ слѣда и движеніе смердящимъ потокомъ разлилось по лицу всей русской земли. Революціонная печать и ораторы на митингахъ и всякихъ сборищахъ носили и всѣхъ и вся. Хулы на св. церковь, на помазанника Божія царя Самодержавнаго, на Іерархію, кощунство надъ православной вѣрой, надъ св. таинствами и издѣвательство надъ всякимъ проявленіемъ религіоз-

наго чувства стали обычнымъ явленіемъ. Все святое, чѣмъ жива душа православнаго человѣка, было втоптанно въ грязь и осквернено устами революціонеровъ. Боголюбивый народъ однако не потонулъ въ хаосѣ всякой мерзости и нечистоты, а быстро стряхнувъ съ себя дурманъ революціоннаго опьяненія, малость потрепавъ своихъ печальниковъ, послѣ чего съ презрѣніемъ и отвернулъ отъ нихъ. Лебединая пѣсня освободительнаго движенія была скоро спѣта: прошла весна для экзотическаго цвѣтка, осыпался листъ, поблекли лепестки, исчезъ и дивный ароматъ, остались отъ него одни твердые и острые шипы. Съ этими то шипами и приходится духовенству теперь имѣть дѣло: раздраженное крестьянство въ него и вперило свои гнѣвные очи. Каковъ будетъ исходъ такого ненормальнаго явленія, покажетъ недалекое будущее, но только въ настоящее время страдательнымъ лицомъ за свою неадаптированность является духовенство. Православный народъ отшатнувшійся отъ освободительнаго движенія, какъ имѣющаго своимъ краеугольнымъ камнемъ атеизмъ и слѣбую ненависть ко всему православному, вмѣстѣ съ тѣмъ занялъ враждебное положеніе и къ горячо откликнувшемуся на его зовъ духовенству. Въ глазахъ боголюбиваго народа какъ революціонеръ, такъ равно и священникъ исполнѣ солидарный съ нимъ—оба безбожники, отсюда и всѣ злоключенія духовенства въ послѣдніе дни. И главное у духовенства не на что сослаться, что бы оправдать себя, или сказать, какъ древле жестоковѣрный народъ—еврей въ пустынь: отцы наши бѣли кислое, а у насъ оскомина. Оскомина и у насъ, да еще кака! и не по винѣ нашихъ отцовъ, а благопріобрѣтенная: своими неправедными трудами нажили ее, получаемъ урожай того, что сами посеяли. Сѣяли же не безъ усердія, разсуждая повидимому логично: «что же мы спимъ? Жизнь вокругъ кипитъ. Всѣ стремятся къ улучшенію своего положенія,—добиваются правъ, только мы стонемъ подъ бюрократическимъ ярмомъ своего начальства, надо «работать», а то «проворонимъ» моментъ,—будетъ поздно»: Ну и работали. Рьяные «передовики» изъ духовенства чрезъ постановленія Балашовскихъ отцовъ открыто примкнули къ партіи польбѣе кадетовъ. Нѣкоторые же, судя по указу Саратовской Духовной Консисторіи, пошли далѣе и примкнули даже къ крестьянскому союзу». За это получили не малую мзду въ видѣ овацій и выраженной наипрѣятнѣйшихъ чувствъ со стороны революціонныхъ газетъ, горячо привѣтствующихъ всякій шагъ духовенства въ пользу революціи и воспѣвающихъ на всѣ лады эти, якобы „руководственные“ для всей церкви постановленія духовныхъ сѣздовъ.

А сколько, думается, герои отцы выслушали восторженныхъ привѣтствій, получили дружественныхъ поз-

дравлений и рукопожатій и всяческих общаній со стороны участниковъ движенія! Ну, какъ же здѣсь вѣщунной съ похвалъ не за закружиться головѣ? На дѣлѣ же вышло все какъ разъ наоборотъ. Кадетская Дума ни разу не вспоминала о своихъ благопріятеляхъ изъ революціоннаго духовенства и единогласно приняла предложеніе объ экспропріаціи церковныхъ земель; о вознагражденіи же чѣмъ либо за отнятыя земли духовенства никто не подумалъ обмолвиться хотя бы словомъ.

Мало этого,—теперь на очереди, судя по распубликованному посланію къ духовенству Волынской епархіи Высокопреосвященнаго Антонія, новое мѣропріятіе—отнятіе у духовенства казеннаго жалованья. Такимъ образомъ ренегатское пресмыкательство отцовъ предъ революціонными партіями въ результатѣ не дало ничего и нисколько не улучшило положеніе духовенства. Постановленіе же о добровольномъ отказѣ отъ владѣнія церковной землей и въ будущемъ принесетъ для церкви и духовенства свои горькіе плоды. Что революціонеры прекрасно использовали въ своихъ видахъ либеральныя постановленія Балашовскаго и др. съѣздовъ духовенства, равно какъ и то, что духовенство этимъ безтактнымъ актомъ и вообще сочувствіемъ движенію причинило себѣ серьезнѣйшій вредъ—въ этомъ нѣтъ сомнѣній.

«Передовики» священнослужители, открыто и категорически заявившіе о своей солидарности съ революціонными партіями, тѣмъ самымъ свели къ нулю престижъ своего пастырскаго достоинства въ глазахъ прихожанъ. Въ самомъ дѣлѣ, какой взглядъ долженъ имѣть на своего пастыря боголюбивый, православный народъ, когда видитъ, что его батюшка усиленно старается на пользу того движенія, однимъ изъ краугоульныхъ камней котораго является формула: „православіе—второй историческій предрасудокъ русскаго народа“ и что съ этимъ „предрасудкомъ“ нужна безпощадная борьба до тѣхъ поръ, пока имя его на изгладится совершенно изъ памяти сыновъ человѣческихъ. Примкнувъ къ движенію съ основами атеизма, пастыри, естественно, и въ глазахъ своей паствы сдѣлались безбожниками, а такихъ священниковъ православнымъ людямъ не надо: пусть идутъ, куда хотять. И получается картина не изъ особенно красивыхъ: прихожане всячески правдами и неправдами „выживаютъ“ духовенство изъ приходовъ, желая получить священника—„хорошаго“. Для достиженія своей цѣли не пренебрегаютъ никакими средствами, и пускаютъ въ ходъ все, не исключая поджоговъ и угрозъ расправиться съ ненавистнымъ лицомъ „по своему“. Духовенству отмѣривается той мѣрой, какой оно само желало мѣрять—выборнымъ началомъ. Мечталось и писалось вѣдь когда то, что какъ бы было хорошо, если бы духовенство имѣло право выбора своего начальства: благо-

чинныхъ. Впрочемъ,—что благочинныхъ? Благочинный не особенно большое начальство, а самихъ епископовъ. Что же касается выбора прихожанами причта для себя, то въ рѣшеніи этого вопроса голоса раздѣлились: одни категорически говорили „да“, другіе болѣе умѣренные и дальновидные говорили: „нѣтъ“, потому что... почему, разскажу небольшой случай изъ жизни,—случай не анекдотическаго характера и не изъ прошлаго столѣтія. Въ разгаръ погони за всякими правами, чтобы не проворонить момента“, работаетъ надъ упраздненіемъ обязанностей и придумываніемъ новыхъ правъ духовенства комиссія. Прогудировано чуть ли не полсотни правъ. Прошло благополучно и выборное начало. На бѣду подвернулся небольшой церковный чинъ. Человѣкъ, какъ говорится, неглухой, а глвное прямолинейный. „Передовики вздумали щегольнуть предъ нимъ своими трудами, между прочимъ развили и систему выборнаго начала. „Такъ то такъ, возразилъ малый чинъ, да кому вы то нужны, кто васъ выберетъ“? Предсказаніе чина къ несчастію сбылось: прихожане экспропріировали, но только въ крайне оригинальной формѣ, права выборнаго начала и преспокойно «выжимаютъ» духовенство изъ приходовъ. При такомъ отношеніи прихожанъ къ духовенству, послѣднее въ большинствѣ случаевъ лишено возможности прикрываться претензіями на подстрекательство прихожанъ разными агитаторами—это было бы равносильнымъ—сваливанью съ больной головы на здоровую.

Словъ нѣтъ, революціонеры изъ принципіальной вражды къ св. церкви и служителямъ ея никогда не направятъ прихожанъ на ихъ духовенство, но это бываетъ только тогда, когда за причтомъ имѣется не мало дѣяній совѣтъ не пастырскаго свойства. Въ свое время на страницахъ «Дух. Вѣстника» (№ 17) было отмѣчено, что революціонеры совѣтуютъ крестьянамъ относиться съ уваженіемъ къ священнику, но подъ условіемъ,—если онъ заслуживаетъ того. Выводъ этотъ сдѣланъ на основаніи слѣдующаго факта. Въ поярѣ минувшаго года, во время свободы всѣхъ пяти свободъ, въ четвертомъ уч. Цар. у. верховодилъ «движеніемъ» ветеринарный врачъ Юшко, человѣкъ убѣжденій самыхъ крайнихъ. Слушателей у него всегда было много. Однажды во время разговора съ своими прихожанами навелъ рѣчь и на него, что де онъ проповѣдуетъ: «Да вотъ, между прочимъ, отвѣтили прихожане, въ прошлое воскресенье, составилъ крестьянамъ, имя рекъ, села приговоръ объ увольненіи священника изъ прихода. Изъ дальнѣйшаго разговора выяснилось, что Юшко совѣтовалъ «дорожить и беречь хорошихъ священниковъ». Революціонеры въ этомъ случаѣ себѣ на умѣ: агитировать противъ священника, пользующагося расположеніемъ своихъ прихожанъ, они едва ли будутъ, потому что прихо-

жане всегда съумѣють отстоять любимого батюшку. Другое дѣло тамъ, гдѣ за духовенствомъ много прорѣхъ... тамъ революціонеры точно у себя дома, тамъ же и притязанія мірянъ на распоряженіе церковными суммами, въ видѣ неуплаты назначенныхъ церковной властью взносовъ съ церквей, достигаютъ наивысшей напряженности. Причину, такимъ образомъ, всѣхъ бѣдъ духовенство должно искать по пословицѣ: не въ селѣ, а въ себѣ. Въ оправданіе своей, деликатно сказать, не аккуратности духовенство выдвигало мотивъ, да и печатъ поддерживала его, что обязанность де епископа дать соответствующее случаю руководство, — указать путь, по которому должно слѣдовать духовенство во время такихъ грандіозныхъ явленій, какъ русская революція. Что на это можно сказать? Прежде всего честное іерейство не младенцы, ссущие сосцы, а мужи совершенны, проручествованные чрезъ епископа благодатію вседѣтельнаго Духа, во еже пасти стадо Христово, научать его тому, что служить ко благочестію и животу, сами должны испытывать ученіе—отъ Бога оно, или отъ чело-вѣкъ. Да и обращались ли сѣн мужи совершенны къ своему епископу за опредѣленіемъ ихъ обязанностей въ это тревожное время;—отвѣтъ долженъ получиться отрицательный. Мало того для парализованія лицемѣрныхъ поползновеній къ обману, себя въ ущербъ высшей власти, приходится констатировать печальный фактъ полнѣйшаго игнорированія духовенствомъ руководственныхъ, по интересующему насъ вопросу, напоминаній своего епископа. Оглянемся немного назадъ. Въ 1902 году, 14 декабря отъ благополучно нынѣ Святительствующаго Преосвященнаго Гермогена поступило въ консисторію предложеніе слѣдующаго содержанія: «Предлагаю Саратовской духовной консисторіи 1, имѣть особенно бдительный надзоръ за направленіемъ и настроеніемъ духовенства епархіи и призвать къ сему же о.о. благочинныхъ и 2, ознакомить чрезъ о.о. благочинныхъ все наше духовенство съ нашими по сему поводу разъясненіями и внушеніями, касающимися нашихъ пастырей-священниковъ.

Среди духовенства проводится иногда мысль о томъ, что всѣ частновладѣльскія земли должны перейти въ руки Государства, которое тогда въ состояніи было бы надѣлать необходимымъ количествомъ земли «воздѣлывателей» ея; мысль эта отвѣчаетъ идеямъ социализма...

Въ виду сказаннаго почитаю долгомъ, внушить и напомнить всему мѣстному духовенству, что оно, ради сохраненія въ народѣ трезваго взгляда на его экономическое положеніе, обязано, какъ само твердо помнить, такъ равно напоминать и внушать народу слова предупрежденія въ Божѣ почившаго Государя Императора Александра III, сказанныя бывшимъ на коронаціонныхъ

торжествахъ волостнымъ старшинамъ: «не вѣрьте вздорнымъ и нелѣпнымъ слухамъ и толкамъ о передѣлахъ земли, даровыхъ прирѣзкахъ и тому подобное»...

Весьма прискорбно, однако, считается съ случаями, когда священники своими рѣчами общественными и частными подаютъ поводъ къ тому, чтобы о нихъ можно было думать и даже официально, что они своими взглядами и направленіемъ «содѣйствуютъ» глубоко вредной для народа и для всего нашего отечества «преступной социалистической агитаціи», которая въ самыхъ основаніяхъ подрываетъ всѣ наши вѣковые устои русской народности и русской жизни... Правда, доброму пастырю не должны быть совершенно чужды заботы о матеріальныхъ нуждахъ пасомыхъ. Однако, въ этомъ случаѣ несомнѣнно и то, что если пастырь, руководимый искренней любовію къ вѣренному его духовно-нравственному водителю людямъ, возмиметъ непреодолимое желаніе обнаружить свою заботливость о матеріальномъ благополучіи пасомыхъ, то онъ найдетъ къ тому очень много поводовъ и способовъ исполнѣ соответствующихъ его положенію и призванію, какъ пастыря-священника. Такъ, наравнѣ со многими весьма простыми частными поводами для содѣйствія пастыря улучшенію матеріальнаго быта пасомыхъ, обратимъ вниманіе на то, повидимому, общее и важнѣйшее обстоятельство, на которомъ и нѣкоторые пастыри сосредоточиваютъ все свое вниманіе и на которомъ основываютъ всѣ свои убѣжденія о матеріальныхъ бѣдствіяхъ народа,—обратимъ вниманіе, что «самымъ злѣйшимъ врагомъ народа является его глубокое невѣжество» это, повидимому, совершенно правильно. Однако отъ этого совершенно правильнаго убѣжденія бываетъ еще весьма далеко до истинно-благотворныхъ практическихъ результатовъ въ пользу народа, если при этомъ очень мало и неглубоко бываютъ осмыслены и продуманы основанія этого общаго ходячаго убѣжденія, хотя бы при этомъ существовало и исполнѣ искреннее желаніе желаніе и намѣреніе указать на существенныя нужды народа и сослужить ему службу. Чтобы найти и вѣрнѣе указать истинно-благотворныя мѣры противъ бѣдствій народа отъ «невѣжества», нужно исходить изъ того несомнѣннаго факта дѣйствительной жизни, что «невѣжество», какъ надшее состояніе и какъ нѣкоторая власть тьмы, простирается и царитъ во всѣхъ проявленіяхъ духа и быта народнаго. Такъ, дѣйствіе тьмы невѣжества бываетъ 1, самымъ тяжкимъ и злымъ, если оно касается религіозной и духовно-нравственной стороны жизни народа, 2, менѣе тяжкимъ, если касается общаго просвѣщенія и образованія (грамотности и т. п.) и 3, болѣе или менѣе вреднымъ и тяжелымъ, если порождаетъ отсутствіе или недостатокъ опыта и знаній, необходимыхъ для правильной и полезной поста-

новки труда и хозяйства общественного и частного. И при нѣкоторой проникательности и пониманіи человѣческаго духа не трудно замѣтить и убѣдиться, что соотвѣтственное благотворное воздѣйствіе на одну изъ трехъ указанныхъ сторонъ жизни народа соотвѣтственнымъ же образомъ ослабляетъ дѣйствіе и власть тьмы «невѣжества» въ другихъ сторонахъ народной жизни; въ особенности несомнѣнно то, что благотворная дѣятельность въ пользу народа въ области его духа и религіозно-нравственной жизни всегда благотворно отражается какъ на общемъ просвѣщеніи народа, такъ и на улучшеніи его быта. Поэтому, для пастыря, труженника и работника въ области и для области духа народа, нѣтъ никакой надобности искать, тѣмъ болѣе искать ощую и со всякимъ недоумѣніемъ другихъ различныхъ сторонъ жизни народа, хотя бы и съ благимъ намѣреніемъ принести народу посильную пользу. Въ области духа и религіозно-нравственного быта народа для пастыря открывается, можно сказать, цѣлое море самыхъ благотворнѣйшихъ заботъ и труда въ пользу бѣдствующаго и бѣднаго русскаго люда: надобно только для пастыря болѣе или менѣе глубоко и искренно проникнуться любовью, усердіемъ и вниманіемъ къ исполненію своего истинно-великаго священнаго званія и служенія.

Возьмемъ для примѣра религіозно-нравственное и нравственно-бытовое устроеніе семьи простолюдина. Какую громадную и всестороннюю пользу можетъ принести доброе, благотворное участіе искренняго и любящаго пастыря въ этой чувствительнѣйшей сторонѣ жизни нашего бѣднаго селянина? А глубокое и неуклонное противодѣйствіе общей и по истинѣ демонической непрестающей эпидеміи пьянства, преступленій, пороковъ и т. п.? Какое здѣсь обширнѣйшее поле для соотвѣтствующей дѣятельности любящаго и болѣе или менѣе проникнутаго идеей своего служенія русскаго пастыря. На этомъ полѣ народной жизни и духа есть для пастыря полная возможность путемъ труда и самоотверженія «исполнить всякую правду» (Мѡ. III, 15), удовлетворить всѣ запросы своего духа и имѣть иногда счастье видѣть благотворные плоды своего по истинѣ великаго служенія... При разумномъ и честномъ, и болѣе или менѣе идеальномъ отношеніи къ своему служенію, пастырь не будетъ испытывать никакой надобности въ томъ, чтобы восполнять свое великое и многотрудное служеніе какими либо чуждыми для него заботами и обязанностями «судіи и дѣлителя» между людьми общаго ихъ матеріальнаго достоянія, плодовъ хозяйственныхъ и т. п. (Лук. 12, 13—40).

Эта послѣдняя дѣятельность матеріально-экономическаго «судіи и дѣлителя» представляется для него весьма малой и ничтожной, въ виду даннаго ему святѣй-

шаго порученія отъ Самаго Божественнаго Домовладыки «раздавать въ свое время слугамъ его «дары высшіе и совершеннѣйшіе», «насущны» дары благодати, какъ «мѣру» истинно «насущаго хлѣба, безъ котораго не можетъ просуществовать высшее разумное существо-человѣкъ ни во временномъ бытіи своемъ, ни въ вѣчности...

Это, логически-строго обоснованное и имѣющее своимъ краеугольнымъ камнемъ Евангеліе-предложеніе нашего Архипастыря, своевременно и категорически опредѣлившее долгъ пастырей-священниковъ по отношенію къ освободительному движенію было выполнено о.о. благочинными въ обычномъ порядкѣ: предъявлено духовенству, подписано имъ и... сдано въ архивъ. Наступившій 1905 годъ выбилъ духовенство изъ привычной колеи: общество настоятельно стало предъявлять требованія, какъ разъ обратныя тѣмъ взглядамъ, которыми руководствовалося духовенство въ жизненномъ обиходѣ. Поэтому появилась необходимость въ опредѣленіи «modus vivendi» при новомъ порядкѣ вещей. На окружныхъ сѣздахъ заговорили объ улучшеніи своего положенія, изыскивали мѣропріятія къ укрѣпленію между прихожанами и духовенствомъ добрыхъ отношеній, драгоцѣнное же въ данномъ случаѣ обращеніе Архипастыря къ пастырямъ-священникамъ почему то осталось въ забвеніи; такимъ оно остается и до сего дне. Въ настоящее же время сама жизнь своими тяжкими ударами побуждаетъ духовенство вынуть его изъ подъ спуда, тщательно разсмотрѣть и, детально разработавъ въ рядѣ постановленій, провести въ жизнь. Эти постановленія сѣздовъ должны быть санкціонированы епископомъ, что и можетъ послужить первымъ и серьезнымъ шагомъ къ возстановленію надлежащаго единенія рождѣ-пастырей-священниковъ-съ лоною епископомъ.

Вторымъ, связующимъ крѣпкою нравственною связью духовенство съ своимъ Архипастыремъ, звеномъ долженъ послужить имѣющій быть епархіальный сѣздъ, въ кругъ обязанностей котораго, нужно полагать войдетъ и рѣшеніе вопроса о возстановленіи церковнаго мира, такъ грубо нарушеннаго революціонной скверной, проникшей въ помѣстную церковь.

Резюмируя все сказанное приходимъ къ прискорбному заключенію, что всѣ дефекты, возникающіе въ послѣднее время въ сферѣ церковной жизни, нужно отнести на счетъ неисправности и неаккуратности самого же духовенства, особенно же увлеченія нѣкоторыхъ членовъ его революціонными идеями, что окончательно и подорвало довѣріе къ пастырямъ православнаго крестьянскаго люда. Исходъ для духовенства одинъ: снять съ себя ради Христа и Его великаго дѣла житейскую гордость и, отложивъ революціонныя бредни, искать нрав-

ственной помощи и руководства у богоустановленной, предназначенной къ тому власти. Не думаемъ при этомъ, что бы потерялъ свою дѣйственную силу идеально-прекрасный образъ, неподобными штрихами начертанный въ 15 главѣ 11—32 ст. евангелія св. Луки. Иначе сбудется съ нами по тѣмъ словамъ, которыми закончено глубоко-жизненное, приведенное предложеніе духовенству нашего начальника-епископа: «Горе намъ, пастырямъ, ибо мы напоказъ печалуемся о народѣ и скорбимъ о его видимомъ внѣшнемъ невѣжествѣ и грубости, а сами являемся въ то же время глубоко невѣжественными въ разсужденіи своего высокаго званія и служенія и очень мало прилагаемъ свойственныхъ намъ заботъ и усилій къ облегченію и освобожденію народа отъ тяжкаго ига невѣжества, многоразличныхъ печалей и бѣдствій»...

Священникъ *Алексій Добросердовъ.*

С.-Петербургскій епархіальный съѣздъ.

Съ 10 по 19 октября въ Петербургѣ происходили засѣданія съѣзда депутатовъ отъ церквей Петербургской епархіи. При своемъ чисто дѣловомъ характерѣ съѣздъ умѣло поставилъ и вдумчиво, осторожно рѣшилъ многіе важные вопросы епархіальной жизни. Прежде всего должно отмѣтить новый составъ съѣзда. На съѣздѣ участвовали не одни священнослужители, а и представители мірянъ въ лицѣ церковнымъ старостъ. Петербургскій съѣздъ показалъ примѣръ въ великомъ дѣлѣ сближенія между мірянами и духовенствомъ. Обычное опасеніе розни между представителями мірянъ и духовенствомъ, такъ часто тормозящее это сближеніе, въ данномъ случаѣ оказалось совершенно неосновательнымъ. Съѣздъ прошелъ въ полномъ мирѣ и согласіи и, какъ заявилъ одинъ изъ церковныхъ старостъ отъ лица своихъ собратьевъ, «на съѣздѣ духовенство и старосты были силами не противодѣйствующими, какъ всегда, а равнодѣйствующими, слагаемыми». Богатый жизненно-практическій опытъ церковныхъ старостъ не разъ оказывалъ большую услугу при разрѣшеніи нѣкоторыхъ вопросовъ. Старосты вошли также почти во все коммисіи, избранныя съѣздомъ для разработки нѣкоторыхъ частныхъ вопросовъ. Какъ на самое крупное мѣропріятіе съѣзда нужно указать на постановленіе съѣзда созвать въ ближайшемъ будущемъ епархіальный соборъ изъ представителей мірянъ и духовенства для рѣшенія важнѣйшихъ вопросовъ епархіальной жизни. Для разработки правилъ созванія епархіальнаго собора была избрана особая коммиссія изъ шести духовныхъ лицъ и шести мірянъ. Постановленіе это было утверждено и владыкой митрополитомъ. Былъ поднятъ и другой общей важности вопросъ объ участіи сельскаго духовенства въ комитетахъ и правленіяхъ всѣхъ учебно-воспитательныхъ и благотворительныхъ учрежде-

ній епархіи и рѣшенъ положительно. Новыми членами правленія семинаріи и училища отъ духовенства были избраны два сельскихъ священника. Мѣра эта вполне справедлива. Въ епархіяхъ съ крупными городскими центрами сельское духовенство обыкновенно имѣетъ мало влияния на епархіальныя дѣла, а между тѣмъ оно заинтересовано въ благоустройствѣ просвѣтительныхъ и благотворительныхъ учрежденій епархіи даже болѣе городского. Былъ поднятъ вопросъ объ усиленіи представительства сельскаго духовенства и на самыхъ епархіальныхъ съѣздахъ. Было рѣшено передать этотъ вопросъ для предварительнаго обсужденія на благочинническія собранія. Съѣздъ обратилъ вниманіе на неравномѣрность обложенія церквей, при которой почти вся тяжесть сборовъ падаетъ на приходскія церкви, церкви же домовыя, иноепархіальныя, подворья, часовни и монастыри или совершенно ничего не платятъ на нужды епархіи или вносятъ крайне незначительную сумму. Была принята новая раскладка обложенія какъ приходскихъ церквей, такъ и домовыхъ, монастырей, подворьевъ и часовенъ пропорціонально доходу отъ продажи свѣчъ. Весьма практичная мѣра была принята относительно направленія взносовъ съ церквей. Обыкновенно взносы эти благочиннымъ приходится разсылать по разнымъ учреждениямъ, въ семинарію, въ училище, въ консисторію, что связано съ массой практическихъ неудобствъ. Съѣздъ рѣшилъ все церковныя взносы направлять въ одну центральную кассу, завѣдывать которой должна подготовительная къ съѣзду коммиссія. Видное мѣсто въ работѣ съѣзда занимали учебныя заведенія епархіи. Признано было необходимымъ расширить учебную программу женскаго епархіальнаго училища и уравнивать его такимъ образомъ въ правахъ съ средними женскими учебными заведеніями другихъ вѣдомствъ. Съ слѣдующаго учебнаго года училище рѣшено сдѣлать восьмилетнимъ. Обученіе одному изъ новыхъ языковъ сдѣлано обязательнымъ. Плата учащимъ увеличена до 70 рублей за годовую часть. Окончательное рѣшеніе вопроса о постройкѣ втораго мужскаго духовнаго училища отложено до слѣдующаго года, при чемъ въ коммисію, завѣдующую подготовительными работами по этой постройкѣ, включены новые члены изъ церковныхъ старостъ, особенно хорошо знающихъ строительно дѣло. Изъ другихъ сравнительно менѣе важныхъ постановленій съѣзда отмѣтимъ учрежденіе новаго отдѣленія для призрѣнія престарѣлыхъ священно-церковнослужителей въ Лужскомъ уѣздѣ, при чемъ три вакансіи предназначены для учителей церковно-приходскихъ школъ, ставшихъ неспособными къ труду, постановленіе о выработкѣ проекта ремесленнаго училища и псаломщическихъ классовъ для уволенныхъ изъ училища и семинаріи учениковъ; постановлено объ уступкѣ части бывшей учи-

лищной дачи подь второклассную церковно-приходскую школу. Успѣшность работъ сѣзда въ очень значительной степени зависѣла отъ новаго, весьма практичнаго порядка возбужденія дѣлъ предъ сѣздомъ. Сѣздъ разсматривалъ только тѣ вопросы, которые предварительно были внесены въ подготовительную комиссію до начала засѣданій сѣзда. А подготовительная комиссія имѣла въ свою очередь возможность разослать увѣдомленіе о всѣхъ дѣлахъ, подлежащихъ рѣшенію сѣзда, съ нужными справками и съ своимъ мнѣніемъ объ этихъ дѣлахъ, на предшествовавшій сѣзду благочинническія собранія. Благодаря этому, депутаты явились на сѣздъ прекрасно освѣдомленными о многихъ вопросахъ, возбужденныхъ на сѣздѣ, и съ готовыми по нимъ заключеніями, такъ что пренія на сѣздѣ по большей части не были продолжительными и работа сѣзда шла быстро и гладко. Въ подготовительную комиссію къ слѣдующему сѣзду были избраны 7 священниковъ (изъ нихъ 6 прежняго состава) и трое церковныхъ старостъ. Доступъ на сѣздъ представителямъ свѣтской печати былъ дозволенъ, но, къ сожалѣнію, ихъ сообщенія по многимъ вопросамъ оказались далекими отъ истины, а нѣкоторые (напр. объ упадкѣ на 90% доходовъ Кронштадтскаго Андреевскаго собора, о состояніи Александровскаго училища) прямо-таки тенденціозно-извращенными. *«Ц. Вѣст.»*.

IV.

Торжество освященія церкви-школы въ д.д. Марьевкѣ-Хардиновкѣ, Петровскаго уѣзда.

(Окончаніе).

На другой день вмѣстѣ съ восходомъ солнца уда-рили въ колоколъ къ утрени, которая была отслужена о. Уѣзднымъ Наблюдателямъ церковныхъ школъ, а послѣ нея совершена имъ же послѣдованіе малаго освященія воды и отслужено нѣсколько молебновъ по просьбѣ богомольцевъ, наполнившихъ церковь и во время этихъ службъ. Съ самаго ранняго утра стали подъѣзжать изъ окрестныхъ селеній новые богомольцы, не бывшіе наканунѣ, и многіе останавливались на церковной площади, такъ что къ началу литургіи она была вся заставлена повозками. Во время утрени приходскій священникъ исповѣдывалъ желающихъ причаститься въ новомъ храмѣ, которыхъ набралось до 100 человѣкъ.

Въ восемь часовъ заблиговѣтели къ литургіи, предъ которою должно было совершиться освященіе храма. Народъ толпами повалилъ къ церкви. Въ числѣ богомольцевъ виднѣлось не малое число окрестныхъ интеллигентовъ и между прочимъ Н. М. Штокфишъ съ супругой и др. Скоро пріѣхалъ Владыка и началось священнодѣйствіе. Съ особымъ напряженнымъ вниманіемъ слѣдили молящіеся за всѣми дѣйствіями священнодѣйствующихъ,

углубляясь въ смыслъ молитвословій и усиленно молясь о ниспосланіи освятельной благодати Святаго Духа на храмъ и на каждого изъ нихъ, по примѣру Царя Соломона проси Господа, чтобъ Онъ принималъ въ этомъ храмѣ молитвы всѣхъ притекающихъ въ него.

Вотъ совершилось облаченіе престола и жертвенника. Начинается каженіе всего храма, помазаніе святымъ муромъ и окропленіе св. водою. Храмъ наполнился благоуханіемъ и густымъ облакомъ фиміама, возносящагося горѣ. Возжигается первая свѣча и поставляется на горнемъ мѣстѣ, возжигаются и другія свѣчи и раздаются іереямъ и предстоящимъ, а затѣмъ открывается крестный ходъ и шествіе со святыми мошами вокругъ церкви. Умилительно это шествіе почивающаго на святыхъ мученикахъ Самаго Господа, Царя Славы, Господа Силь, грядущаго въ новое мѣсто жительства! Потому-то такъ отраднo звучали на вопросъ пѣвцовъ «кто есть сей Царь Славы?» отвѣтныя слова Архипастыря и тѣхъ же пѣвцовъ «Господь Силь, той есть Царь Славы», съ которыми шествіе возвратилось во храмъ и святые мощи были поставлены на престолъ.

Умилительно также была послѣдняя коленнопреклоненная молитва, прочитанная Архипастыремъ во всеуслышаніе, на молящихся и на храмоздатель Пресвятаго Духа и чрезъ Него обновленія въ сердцахъ ихъ духа правого». Наконецъ, произнесеніемъ сугубой ектеніи на серединѣ храма за Царствующій домъ, св. Синодъ и Архипастырей нашихъ, за создателей храма, за братію новаго храма и всѣхъ плодоносящихъ, добродѣющихъ, трудящихся, пѣвцовъ и предстоящихъ людей, собравшихся и имѣющихъ собираются здѣсь за великими и богатыми милостями Божиими—и громогласнаго многолѣтія всѣмъ имъ Чинъ освященія храма закончился и тотчасъ же началась Божественная Литургія.

Служба эта, при обычномъ ежедневномъ совершеніи ея, приводитъ молящагося въ особенное благоговѣйное настроеніе, настоящая же литургія,—въ только что освященномъ храмѣ, наполненномъ благоуханіемъ внѣшнимъ и духовнымъ, совершаемая по Архіерейскому чину, самому по себѣ очень торжественному, при сонмѣ священнослужителей, при восхитительномъ пѣніи хѣра, при масѣ богомольцевъ,—эта служба производила такое впечатлѣніе на всѣхъ присутствующихъ въ храмѣ, какое испытывали наши предки-послѣ великаго князя Владиміра, отыскивавшіе правую вѣру, за патріаршимъ богослуженіемъ: чувствовалось, что «находишься не на землѣ, а на небѣ». Это была сплошная бесѣда Бога съ людьми, не прерывавшаяся ни на минуту и благоговѣйное бодренное стояніе раба предъ своимъ Владыкою, милостивно внимавшемъ мольбамъ его, это-непрерывная хвалебная пѣснь благодарныхъ сыновъ своему Щедрому и Милостивому

Отцу, воспѣвавшихъ ее вмѣстѣ съ небожителями Ангелами и святыми мучениками! Благодаря этому, при всей продолжительности своей, Литургія протекла совершенно незамѣтно, не утомивъ, а укрѣпивъ и вдохновивъ молящихся.

Окончилась служба около часу дня, и народъ, желая проститься съ Владыкою, чтобы дольше и глубже сохранить память о немъ, направился не къ выходу, а къ амвону, съ цѣлю получить архипастырское благословеніе и унести его съ собою въ дома свои.

Это прощаніе паастыря съ пасомыми продолжалось цѣлыхъ полтора часа, составивъ такимъ образомъ цѣлую службу и происходило чинно, безъ особой давки. Въ то же время служились молебны по желанію и просьбѣ богомольцевъ приходскимъ и другими священниками. Уже въ третьемъ часу дня Владыка, не оставивъ ни одного безъ благословенія, отбылъ изъ церкви, провожаемый прощальными поклонами благодарныхъ поселянъ.

Черезъ нѣкоторое время въ домъ А. Д. Юматова, гдѣ находился Владыка и другіе гости, пришли въ большомъ числѣ представители отъ крестьянъ деревень Марьевки и Хардиновки и принесли ему глубокую благодарность отъ лица своихъ однообщественниковъ за освященіе храма и доставленное утѣшеніе, а также воздали «русское спасибо» г.г. Юматовымъ, благодаря стараніямъ которыхъ устроился у нихъ храмъ. Въ отвѣтъ на слова крестьянъ Владыка увѣщевалъ усерднѣ посѣщать храмъ Божій и помнить своихъ благодѣтелей и стараться сохранять съ ними добрыя отношенія. Послѣ бесѣды Владыки съ крестьянами Вольскіе архіерейскіе пѣвчіе пропѣли въ ихъ присутствіи нѣсколько церковныхъ пѣснопѣний, обычно исполняемыхъ въ Вольскомъ соборѣ, въ духѣ древнерусскаго пѣнія, чѣмъ привели крестьянъ въ восторгъ. За трапезою и во все оставшееся до отъѣзда Владыки время разговоръ шелъ о пережитыхъ впечатлѣніяхъ отъ торжества, особенно же всѣ восторгались чуднымъ пѣніемъ пѣвчихъ, чѣмъ отдали должную дань таланту регента хора—Ивана Семеновича Чумакова, питомца Синодальнаго училища церковнаго пѣнія, сумѣв-

шаго совсѣмъ въ короткое время, немного болѣе года, поставивъ свой хоръ на рѣдкую высоту.

Въ восемь часовъ вечера—уже на заходѣ солнца—Владыка со свитой и пѣвчими, въ сопровожденіи о. протоіерея І. Д. Виноградова, отбылъ изъ Марьевки на станцію «Лопуховка», чтобы оттуда проѣхать чрезъ Саратовъ въ Вольскъ, въ церкви же начался звонъ къ вечернѣ, которую совершалъ приходскій священникъ о. Лопуховскій.

На пути Владыка заѣзжалъ въ слободу Б. Екариновку, Аткарскаго уѣзда, гдѣ не смотря на позднее время—около десяти часовъ вечера—народъ въ порядочномъ количествѣ ожидалъ его въ церкви, желая услышать слово назиданія и получить благословеніе. Послѣ краткаго молебна, при пѣніи архіерейскаго хора, Владыка пробылъ въ церкви болѣе часа, бесѣдуя съ прихожанами о разныхъ предметахъ христіанской нравственности и благословляя каждого, потомъ посѣтилъ дома обоихъ священниковъ о. Лаврова и о. Лебедева и поѣхалъ на станцію уже около часу ночи, куда прибылъ почти прямо къ приходу поѣзда, увезшаго его въ Саратовъ, свита же его направилась въ Вольскъ черезъ Петровскъ.

Такъ заключилось это хотя краткое, но плодотворное путешествіе Архипастыря и торжество освященія церкви. Долго, долго будетъ жить въ памяти всѣхъ видѣвшихъ это посѣщеніе Владыкою своей паствы и служить предметомъ благоговѣйнаго воспоминанія и назиданія!

Дай Богъ, чтобы такія поѣздки бывали возможно чаще, чѣмъ значительно оживится упавшая нравственность православныхъ приходовъ, объ оживленіи которой въ настоящее время такъ усердно стараются и поднятія которой жаждутъ лучшіе люди православной Руси!

Честь и хвала нашимъ Архипастырямъ, не щадящимъ своихъ силъ на благо паствы и самоотверженно идущимъ на встрѣчу нуждамъ ея.

Петровскій Уѣздный Наблюдатель церковн. школъ священникъ *Николай Богословскій*.

ОФФИЦІАЛЬНЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

Резолюціями Его Преосвященства предоставлены мѣста:

Священническія:

Отъ 25 октября за № 2758, при Михаило-Архангельской церкви села Переѣзда, Аткарскаго уѣзда, священнику Космо-Даміанской церкви того-же села Іосифу Баранову.

Отъ 11 ноября за № 2949, при церкви-школѣ во имя св. муч. Аллы села Потловки, Сердобскаго уѣзда, завѣдующему второклассной школой въ томъ-же селѣ священнику Петру Петропавловскому.

Діаконское:

Отъ 10 ноября за № 2945, при Николаевской церкви села Кондоля, Петровскаго уѣзда, діакону села Верхозима того-же уѣзда Василию Голубеву.

Псаломщическія:

Отъ 10 ноября за № 2205, псаломщикъ села Чернавки, Балашовскаго уѣзда, Владиміръ Златомрежевъ и и. д. псаломщика села Ключевки, Петровскаго уѣзда, Веніаминъ Златомрежевъ перемѣщены одинъ на мѣсто другого,

Отъ 11 ноября за № 2222 и 2223, псаломщики села Сюзюма, Кузнецкаго уѣзда, Михаилъ Зиновьевъ и села Чиндясова, Петровскаго уѣзда, Петръ Маловъ перемѣнены одинъ на мѣсто другаго.

Отъ 11 ноября за № 2225, при Успенской церкви слободы Трехъ Острововъ, Балашовскаго уѣзда, послушнику Петровскаго Николаевскаго монастыря Матвѣю Николаеву.

Отъ 11 ноября за № 2224, уволенъ заштатъ псаломщикъ Успенской церкви слободы Трехъ Острововъ, Балашовскаго уѣзда, Николай Орловъ за поступленіемъ въ университетъ.

Отъ 30 октября за № 2792, при Покровской церкви села Монастырскаго, Аткарскаго уѣзда, допущенъ къ временному исполненію должности псаломщика окончившій курсъ Балашовскаго духовнаго училища Ѳеодоръ Кошкинъ.

Отъ 3 ноября за № 2858, псаломщикъ Николаевской церкви села Зензеватки, Царицынскаго уѣзда, Владиміръ Веселовскій, согласно прошенію, уволенъ заштатъ,

Утверждены въ должности церковныхъ старостъ:

Къ Благовѣщенской церкви села Благовѣщенскаго, Балашовскаго уѣзда, крестьянинъ села Быковъ, на 1-е трехлѣтіе.

Къ Николаевской церкви села Тепловки, Сердобскаго уѣзда, крестьянинъ Евстафій Бундинъ на 1-е трехлѣтіе.

Утверждены въ должности законоучителей:

Отъ 24 октября за № 2693, священникъ села Старога Чирчима, Кузнецкаго уѣзда, Константинъ Чурбановъ Старо-Чирчимскаго земскаго училища; за № 2694, священникъ села Варыпаева, Петровскаго уѣзда, Константинъ Князевскій, Варыпаевскаго и Дурасовскаго земскихъ училищъ; за № 2695, священникъ села Тепловки, Саратовскаго уѣзда, Александръ Голубинскій, Тепловскаго земскаго училища, Саратовскаго уѣзда; за № 2691 священникъ села Монастырскаго, Аткарскаго уѣзда, Константинъ Поповъ, Монастырскаго земско-общественнаго училища, священникъ села Малаго Мелика, того-же уѣзда, Іоаннъ Подзвѣздовъ, Мало-Меликскаго земско-общественнаго училища и священникъ села Ключей священникъ Михаилъ Лебедевъ, Ключевскаго земско-общественнаго училища; отъ 3 ноября за № 2853, священникъ Димитрій Лебедевъ, Вѣлгородненскаго, начальнаго училища Вольскаго уѣзда.

За пожертвованія по Саратовской епархіи преподано благословеніе Святѣйшаго Синода съ выдачею грамотъ: дворянкамъ: Евдокіи Ширинкиной и Аннѣ Шевелевой и купцамъ: Прокопію Муругову и Ивану Шемякину; безъ грамотъ: Егермейстеру Высочайшаго Двора, Статскому Совѣтнику Андрею Дубенскому, Дѣйствительному Статскому Совѣтнику Александру Алчечеву съ его женой Параскевой; дворянамъ: Ивану Квашнину-Самарину, Вѣрѣ Черкасской Надеждѣ Гобыто съ сыномъ Николаемъ, Александру Билетову, Ерминіи Ивановой, Александрѣ Логиновѣ, Маріи Котковой; женѣ Тайнаго Совѣтника Екатеринѣ Дурново, дворянину Павлу Васильчикову, князю А. Н. Сатыкову, графу Василію Орлову-Денисову, вдовѣ полковника Евдокіи Григорьевой, Надворному Совѣтнику Павлу Разсудову, присяжному повѣренному Александру Масленникову, землевладѣльцу Александру Поля-

кову, потомственному почетному гражданину Александру Брюханову, гражданину Стефану Трухачеву, монаху Московскаго Гевсиманскаго скита Венедикту, священнику Александру Архангельскому, вдовѣ священника Аннѣ Касандровой, купцамъ: Александру Сосновцеву, Василию Рысину, Александру Серебрякову, Якову Александрову, Ѳеодору Вилкину, Никитѣ Верховскому, Алексѣю Башкирову, Ивану Муругову, Ивану Рѣдькину, Сергѣю Агафонову, почетному гражданину Михаилу Ирскому, псаломщику Павлу Подольскому, вдовѣ купца Евгениі Глазовой съ дѣтьми: Василиемъ и Алексѣемъ, купеческому сыну Ильѣ Башкирову, мѣщанамъ: Семену Мазину, Аванасію Тивиритину, Онисифору Петрову, Евдокіи Рытовой, Аркадію Косолапову, Екатеринѣ Купріяновой, крестьянамъ: Николаю Зиновьеву, Василию Димитріеву, Онисиму Арсентьеву, Федоту Милованову, Михаилу Черняеву, Василию Курину, Алексѣю Горшкову, Ивану Красюкову, Тимоѳею Мионову, Александру Шапошникову, Еленѣ Сѣделковой, Сергѣю Маіорову, Аванасію Смирнову, Петру Горожанину, Антонинѣ Голтѣловой, Михею Николаеву, Владиміру Михалевскому.

высочайшая награда.

Государь Императоръ Всемиловѣйше соизволилъ, сл. 3-й день сентября сего года, на сопричисленіе протоіерея села Ново-Захаркина, Петровскаго уѣзда, Петра Протопопова, по случаю исполнявшагося 50-ти-лѣтія служенія его въ священномъ санѣ, къ ордену св. Владиміра 4 ст.

ПРАЗДНЫЯ МѢСТА:

Священническія:

Въ селѣ Голыевѣ, Сердобскаго уѣзда, при Казанской церкви;—селѣ Синемикинѣ, Саратовскаго уѣзда, при Христорождественской церкви;—селѣ Покурляхѣ, Хвалынскаго уѣзда, при Александро-Свирской церкви;—селѣ Елшанкѣ, Петровскаго уѣзда, при Параскѣевской церкви;—селѣ Новой Слатухѣ, Аткарскаго уѣзда, при Казанской церкви;—селѣ Елизаветинѣ, Сердобскаго уѣзда, при Елизаветинской церкви;—селѣ Ивановкѣ 2-й, Балашовскаго уѣзда, при Михаило-Архангельской церкви;—селѣ Поповкѣ, Саратовскаго уѣзда, при Покровской церкви;—селѣ Чулакахѣ, Петровскаго уѣзда, при Казанской церкви;—селѣ Бѣльничѣ, Балашовскаго уѣзда, при Введенской церкви;—слободѣ Водопьяновой, Аткарскаго уѣзда, при Крестовоздвиженской церкви;—селѣ Царевинѣ, Вольскаго уѣзда, при Александро-Невской церкви;—селѣ Наскафтымѣ, Кузнецкаго уѣзда, при Покровской церкви;—селѣ Тополевкѣ, Царицынскаго уѣзда, при Николаевской церкви;—селѣ Стрѣльцѣ, Царицынскаго уѣзда, при Рождество-Богородицкой церкви;—селѣ Рославлевкѣ, Саратовскаго уѣзда, при Николаевской церкви;—селѣ Водяномѣ, Царицынскаго уѣзда, при Михаило-Архангельской церкви.

Псаломщическое:

Въ селѣ Ключахѣ, Саратовскаго уѣзда, при Михаило-Архангельской-единовѣрческой церкви;—селѣ Зензеваткѣ, Царицынскаго уѣзда, при Николаевской церкви.

САРАТОВСКІЙ ЕПАРХІАЛЬНЫЙ СКЛАДЪ

ЦЕРКОВНЫХЪ ВЕЩЕЙ

(УГОЛЬ МОСКОВСКОЙ и АЛЕКСАНДРОВСКОЙ, ДОМЪ ОБЩЕСТВА ВЗАИМНАГО КРЕДИТА)

ИМѢЕТЪ ВЪ БОЛЬШОМЪ И РАЗНООБРАЗНОМЪ ВЫБОРѢ ВСЕВОЗМОЖНУЮ ЦЕРКОВНУЮ УТВАРЬ.

паникадила, лампады, подсвѣчники, хоругви, запрестольные кресты, водосвятныя чаши, серебряныя сосуды, евангелія, дароносицы, дарохранительницы, кресты: священническіе, синодалыныя, напрестольныя, натѣльныя, — кадила, крестильныя ящики, кропила, блюда сборныя и антидорныя, ковши теплотные, мѣрицы, шандалы, плашаны, воздухи, свѣчи, металлы, — чesкія и проч.

ИКОНЫ ВЪ СЕРЕБР. и АПЛИК. РИЗАХЪ и БЕЗЪ РИЗЪ и КІОТЫ.

Парча, галуны, кисти, бахрома и пуговицы.

ГОТОВЫЯ ОБЛАЧЕНІЯ: СВЯЩЕННИЧЕСКІЯ, ДІАКОНСКІЯ и НАПРЕСТОЛЬНЫЯ. **ТРЕБОВАНІЯ И ЗАКАЗЫ** ИСПОЛНЯЮТСЯ СКОРО и АККУРАТНО

ЦѢНЫ ФАБРИЧНЫЯ БЕЗЪ ЗАПРОСА.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1907 ГОДЪ

ЗАДУШЕВНОЕ СЛОВО.

ДВА ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫЕ иллюстрированные журнала для дѣтей и юношества, основанные С. М. МАКАРОВОЙ и издаваемые подъ редакціей П. М. ОЛЬХИНА.

ПОДПИСНОЙ ГОДЪ НАЧАЛСЯ 1-го НОЯБРЯ 1906 г. — ПЕРВЫЕ ЛЕГЪ ВЫСЛАЮТСЯ НЕМЕДЛЕННО.

Гг. годовые подписчики журнала „З. Сл.“ для дѣтей

МЛАДШАГО ВОЗРАСТА

(отъ 5 до 9 лѣтъ) получать

52 №№ и 42 ПРЕМИИ.

Въ числѣ послѣднихъ: БОЛЬШУЮ КАРТИНУ въ 22 краски „МАЛЕНЬКІЕ, ДА УДАЛЕНЬКІЕ“; 12 мѣсяц. ИГРЪ и ЗАНЯТІЙ на раскраш. и черн. листкахъ; „МАЛЕНЬКІЙ РУССКІЙ ИСТОРИИ“; 6 м. „БИБЛОТЕКИ МАЛЕНЬКАГО ЧИТАТЕЛЯ“ и мн. др.

Кромѣ того, при каждомъ изданіи будутъ высылаться: „ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ БИБЛОТЕЧКА“ и „ДѢТСКАЯ МОДА“.

Подписная цѣна каждаго изданія „Задуманнаго Слова“, со всеми объявленными преміями и приложеніями, съ доставкой и пересылкой, — за годъ **ШЕСТЬ** рублѣй.

Допускается разсрочка на 3 срока: 1) при подпискѣ, 2) къ 1 февралю и 3) къ 1 мая — по

Съ требованіями, съ обозначеніемъ изданія (возраста), обращаются: къ конторѣ „ЗАДУШЕВНАГО СЛОВА“, при книжныхъ магазинахъ Т-ва М. О. Волъфъ — С. ПЕТЕРБУРГЪ: 1) Гостиный, Дворъ, 18, или 2) Невскій пр., 13.

Гг. годовые подписчики журнала „З. Сл.“ для дѣтей

СТАРШАГО ВОЗРАСТА

(отъ 9 до 14 лѣтъ) получать

52 №№ и 37 ПРЕМИЙ.

Въ числѣ послѣднихъ: АНГАРЕЛЬНУЮ КАРТИНУ — „ПОСЛѣДНЯЯ НАДЕЖДА“; „ИСТОРИЮ НАПОЛЕОНА“; 12 мѣсяц. изд. „ЛЕРМОНТОВЪ ВЪ ИЛЛЮСТРАЦІЯХЪ“; 12 мѣсяц. мн. ПОВѢСТЕЙ и

РАЗСКАЗОВЪ для юношества и мн. др.

2 р.

ЗА ГОДЪ — 6 рублѣй, РАЗСРОЧКА — по 2 рублѣй.

КНИЖНЫЙ СКЛАДЪ

САРАТОВСКАГО ЕПАРХІАЛЬНАГО УЧИЛИЩНАГО СОВѢТА.

Московская, близъ Александровской, домъ Скворцова.

Имѣются иконы, кіоты, кругъ богослужебныхъ книгъ, учебники, учебныя и письменныя принадлежности, книги для вѣкъкласснаго чтенія и проч. по доступнымъ цѣнамъ, со скидкой на учебники 10% съ номинальной стоимости ихъ.

ПРИНИМАЕТСЯ ВЫПИСКА КНИГЪ.

Пересылка и укупорка до 1 пуда на счетъ склада.

Печатано по благословенію Его Преосвященства.

Саратовъ, Электро-Типографія Т-ва Клеменсъ.